

801-95

ХРИСТИАНСКОЕ УЧЕНИЕ

954-4

0

# ЛЮБВИ КЪ ЧЕЛОВѢЧЕСТВУ

СРАВНИТЕЛЬНО СЪ КРАЙНОСТЯМИ

801-16

## УЧЕНІЙ СОЦІАЛИСТИЧЕСКИХЪ.

1650

НА ПАМЯТЬ

воспитанникамъ III выпуска Александровскаго Военнаго Училища

ОТЪ ЗАКОНОУЧИТЕЛЯ

**ПРОТОІЕРЕЯ А. М. ИВАНЦОВА-ПЛАТОНОВА.**



МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°)  
на Страстномъ бульварѣ.

1875.

---

---

## ХРИСТИАНСКОЕ УЧЕНИЕ

О ЛЮБВИ КЪ ЧЕЛОВѢЧЕСТВУ СРАВНИТЕЛЬНО СЪ  
КРАЙНОСТЯМИ УЧЕНІЙ СОЦІАЛИСТИЧЕСКИХЪ.

НА ПАМЯТЬ ВОСПИТАННИКАМЪ XII ВЫПУСКА АЛЕКСАНДРОВСКАГО ВОЕННАГО  
УЧИЛИЩА.

Я хочу поговорить съ вами о томъ, о чемъ много говорятъ въ настоящее время и о чемъ всегда стоитъ говорить, — о любви къ человѣчеству, о любви къ ближнимъ, преимущественно къ такъ называемымъ меньшимъ братьямъ нашимъ— о состраданіи и помощи бѣднымъ, слабымъ, беззащитнымъ, унижаемымъ, оскорбляемымъ, страдающимъ духовно и тѣлесно. Я не буду выдавать вамъ своего слова объ этомъ предметѣ за какое-нибудь новое особенное слово, какъ многіе это дѣлаютъ въ настоящее время. Я желалъ бы только представить вамъ нѣкоторое разъясненіе той великой идеи любви, которая всегда была присуща человѣчеству, и которая съ особенною полнотою, глубиною и жизненностью раскрывается въ христіанствѣ.

I.

Приступая къ раскрытію этой идеи, я прежде всего долженъ сказать вамъ именно о томъ, что напрасно многіе выдаютъ эту идею за какую-то новую особенную открытую или созданную лишь въ недавнее время (въ концѣ прошлаго и особенно въ нынѣшнемъ столѣтіи), да и доселѣ остающуюся только достояніемъ избраннаго кружка передовыхъ личностей.

1

52669-0

Печатать дозволяется. Москва, октября 25-го дня, 1875 года.

Цензоръ протоіерей С. Зерновъ.



2007336454

Идея любви къ человечеству стара, какъ старо само человечество. Чувство любви другъ къ другу глубоко лежитъ въ самой человеческой природѣ. Оно прежде всего имѣетъ свое основаніе въ одинаковости природы, въ единствѣ происхожденія всѣхъ людей по ученію религій. Затѣмъ это чувство поддерживается одинаковостью нравственныхъ стремленій и взаимностью всѣхъ существенныхъ жизненныхъ интересовъ для всего человечества. Безъ любви другъ къ другу, безъ взаимной помощи не могло бы существовать никакое человеческое общеніе, не могло бы имѣть мѣста никакое человеческое развитіе. Поэтому идея взаимной любви всегда болѣе или менѣе была въ уваженіи у людей; любовь къ ближнему, въ частности любовь къ тѣмъ, которые особенно нуждаются въ любви — состраданіе къ слабымъ, беззащитнымъ, нуждающимся, страждущимъ у всѣхъ народовъ, во всѣхъ религіяхъ была признаваема великою добродѣтью. Но въ древнемъ мірѣ до христіанства эта идея не могла раскрыться во всей полнотѣ. Множество враждебныхъ ей грубыхъ эгоистическихъ инстинктовъ и стремленій, множество фальшивыхъ религіозно-нравственныхъ понятій, развившихся въ падшемъ нравственно человечествѣ были причиною того, что великая идея взаимной любви стала затмѣваться въ самомъ сознаніи человечества. Потому-то у самыхъ высокихъ мудрецовъ древняго міра при изчисленіи человеческихъ добродѣтелей перѣдко забывалось имя любви; назывались только имена мудрости, справедливости, мужества, воздержанія. Въ самомъ избранномъ народѣ Божіемъ, въ наибольшей чистотѣ сохранившемъ высшія религіозно-нравственныя понятія, идея любви получила такой узкій смыслъ, что самый законъ сталъ выражать эту идею въ такой ограниченной формулѣ: люби ближняго твоего и ненавидь врага твоего (Левитъ XIX, 17—18), а подъ ближними стали исключительно разумѣться лишь люди одного племени и одной религій. А въ мірѣ языческомъ взаимныя столкновенія и притѣсненія, ненависть и вражда развились до того, что по древнему же выраженію люди для людей звѣрями подѣлались, и

это до такой степени сказалось упадкомъ всѣхъ личныхъ, семейныхъ, общественныхъ, національныхъ и международныхъ отношеній, что при такомъ порядкѣ вещей безъ великаго нравственно-религіознаго переворота становилось невозможнымъ дальнѣйшее развитіе, можетъ быть не могло бы на долго продолжаться самое существованіе человечества.

Въ христіанствѣ великая идея любви не только вновь восстановлена во всей чистотѣ, но и раскрылась съ такою полнотою и жизненностью, что заповѣдь о любви по истинѣ явилась въ христіанствѣ какъ бы новою заповѣдью, и любовь другъ къ другу сдѣлалась отличительнымъ свойствомъ истинныхъ послѣдователей Христовыхъ (Іоан. XIII, 34—35). Любовь объявлена въ христіанствѣ не только великою добродѣтью, но коренною добродѣтью, совмѣщеніемъ всѣхъ добродѣтелей, исполненіемъ закона и пророковъ, основаніемъ и завершеніемъ нравственной жизни. Въ любви указанъ христіанствомъ не только источникъ нравственной жизни, но и источникъ высшаго познанія—Богопознанія: только любящій можетъ познать Бога, который Самъ есть любовь, и всѣ его отношенія къ людямъ пронтекаютъ изъ любви; и пребываніе въ любви есть поэтому не только познаніе Бога, но внутренняя жизнь — пребываніе въ Богѣ; а отсутствіе любви есть отсутствіе самой жизни—пребываніе въ смерти (1 Іоан. 18 гл.). Безъ любви въ христіанствѣ не имѣютъ значенія никакіе самые высокіе дары духовные, никакія величайшія нравственныя доблести. «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имѣю; то я мѣдъ звѣнящая или кимвалъ звучащій. Если я имѣю даръ пророчества, и знаю всѣ тайны, и имѣю всякое познаніе и всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять, а не имѣю любви; я ничто. И если я раздамъ все имѣніе мое, и отдамъ тѣло мое на сожженіе, а любви не имѣю, нѣтъ мнѣ въ томъ никакой пользы. Любовь никогда не перестаетъ, хотя и пророчество прекратится, и языки умолкнутъ и знаніе упразднится (1 Кор. XIII, 1—3, 8). Широта и полнота любви въ христіанскомъ ученіи указана

такая, что ей ни въ степени силы, съ какою она должна обнаруживаться, ни въ числѣ и разнообразіи лицъ, на которыя она должна простираться, не должно быть никакихъ ограниченій и предѣловъ. По степени силы любовь должна простираться до полнѣйшаго самоотверженія — до готовности не только оказать всякую услугу, все свое отдать ближнему, и все претерпѣть отъ него (Лук. VI, 27), но и до готовности душу свою положить *за други своя* (Іоан. XV, 12—13). А друзьями и ближними по христіанству ученію должны быть всѣ люди, безъ различія національностей, религій, общественныхъ состояній, степеней образованія, преимуществъ одного пола и возраста предъ другимъ и т. д. Въ христіанствѣ *нѣтъ еллиновъ и иудеевъ, обрѣзанныхъ и необрѣзанныхъ, варваровъ и скивоовъ, рабовъ и свободныхъ*, (Колос. III, 11) *но все и во свѣтъ Христовъ*. Всѣ дѣти одного небснаго Отца, всѣ братья по природѣ и по признанію въ царство или братство Христово, за всѣхъ принесена великая искупительная жертва, за всѣхъ пролита безцѣнная кровь Богочеловѣка. Тѣмъ менѣе въ христіанствѣ могутъ быть ограниченіемъ любви какія-либо личныя отношенія близости или отдаленности, расположенія или нерасположенія. «Если вы будете любить любящихъ васъ, какая вамъ награда? Не тоже ли дѣлаютъ и мытари? И если вы привѣтствуете только братьевъ вашихъ, что особеннаго дѣлаете? Не такъ же ли поступаютъ и язычники? Вы слышали, древнимъ было сказано; любите ближняго твоего и не навидь врага твоего. А я вамъ говорю: любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ, и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ. Да будете сынами Отца вашего небснаго, который повелѣваетъ солнцу своему восходить надъ злыми и добрыми, и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ, — да будете совершенными, какъ совершенъ Отецъ вашъ небсній (Матѣ. X, 43 — 48).

И какъ вообще заповѣдь о любви къ ближнимъ, такъ въ особенности заповѣдь о любви къ меньшимъ братіямъ — къ страждущему, бѣдному, больному челоуѣчеству сдѣлалась

основнымъ и отличительнымъ началомъ христіанской религій. Что такое самая идея искупленія — основная христіанская идея, какъ не идея безконечной любви высочайшаго и всеблаженнѣйшаго Божественнаго Существа къ бѣдному, слабому, больному, грѣшному, страждущему и погибающему челоуѣчеству? Какъ выразилась эта идея въ видимой земной жизни Того, кто явился на землѣ самою воплощеною Божественною любовью, — въ жизни Богочеловѣка Іисуса Христа? Чѣмъ была Его земная жизнь, какъ не постояннымъ служеніемъ страждущему челоуѣчеству — исцѣленіемъ больныхъ, утѣшеніемъ печальныхъ, возвышеніемъ униженныхъ и т. д.? Какъ самъ Онъ словами древняго пророка опредѣлялъ цѣль Своего божественнаго служенія на землѣ?... «Духъ Господень помазалъ Меня благовѣствовать нищимъ, и послалъ Меня исцѣлять сокрушенныхъ сердцемъ, проповѣдывать плѣннымъ освобожденіе, слѣбымъ прозрѣніе, отпустить измученныхъ на свободу» (Лук. IV, 18). Къ кому по преимуществу обращалъ Іисусъ Христосъ Свою божественную проповѣдь, кого утѣшалъ общаніемъ великой награды на небесахъ. «Блаженны нишіе духомъ... Блажены плачущіе... Блажены алчущіе и жаждущіе правды... Блажены гонимые за правду.» Какую добродѣтель по преимуществу старался внушить Іисусъ Христосъ Своимъ послѣдователямъ? За какіе подвиги общалъ великую награду на небесахъ въ день славнаго Своего пришествія и всеобщаго суда? «Приидите благословенные Отца Моего, наследуйте царство уготованное вамъ отъ созданія міра. Ибо алкалъ Я, а вы дали мнѣ ѣсть, жаждалъ и вы напоили Меня; былъ странникомъ и вы пріютили Меня; былъ нагъ и вы одѣли Меня; былъ боленъ и вы посетили Меня; въ темницѣ былъ, и вы пришли ко Мнѣ... Истинно говорю вамъ, если вы сдѣлали это одному изъ братьевъ моихъ меньшихъ (т. е. кому-либо изъ нуждающихся, страждущихъ людей), то сдѣлали Мнѣ» (Матѣ. XXV, 34—40).

Какія послѣдствія дала эта проповѣдь на практикѣ — въ исторической жизни челоуѣчества?.. Міръ, уже начинавшій разлагаться и умирать въ дѣйствіяхъ закоренѣлаго своекорыстія,

раздѣленія и вражды, сталъ воскресать къ новой жизни подъ вліаніемъ благодатнаго духа любви все объединяющей и устрояющей. До христіанства въ міръ господствовало крайнее раздѣленіе національное и религіозное. Каждый народъ смотрѣлъ на другіе народы, какъ на своихъ естественныхъ враговъ по плоти и крови, какъ на породу существъ имѣющихъ совершенно другую природу. Отсюда множество враждебныхъ и самыхъ жестокихъ столкновеній между народами; каждый народъ старался поработить себѣ или и совсѣмъ истребить другіе народы. Историческая жизнь человѣчества какъ будто представлялась непрерывнымъ истребленіемъ племенъ слабѣйшихъ сильнѣйшими. Передъ самымъ появленіемъ христіанства почти всѣ извѣстные народы сдѣлались жертвою алчности одного воинственнаго народа, который въ свою очередь и самъ видимо начиналъ разлагаться во множествѣ поработенныхъ имъ подѣ свою власть враждебныхъ племенъ и народовъ. Съ поработеніемъ и истребленіемъ каждаго отдѣльнаго племени большею частію пропадали для человѣчества и всѣ плоды цивилизаціи, выработанные имъ на поприщѣ историческаго развитія. Раздѣленіе и вражда между народами въ древнемъ міръ поддерживались самою идею религіозною; изъ взаимныхъ отношеній людей раздѣленіе и вражда переносилась въ царство самихъ боговъ, которые также на своихъ небесахъ враждовали между собою, какъ бы освящая тѣмъ подобныя же враждебныя отношенія существующія на землѣ. Христіанство своимъ ученіемъ о единомъ Богѣ—Отцѣ всѣхъ людей, о всеобщемъ братствѣ людей по плоти и духу, о призваніи всѣхъ народовъ къ великимъ нравственнымъ цѣлямъ положило начало другому порядку исторической жизни, при которомъ каждый народъ долженъ осуществлять свою нравственную задачу, не стѣсняя и не устраняя съ историческаго пути другихъ народовъ, также имѣющихъ свои особенныя призванія и задачи, но стараясь заимствовать отъ другихъ народовъ все, что выработано ими лучшаго въ ихъ самостоятельномъ развитіи, и самъ передавая другимъ народамъ лучшіе плоды своего

національнаго развитія... Затѣмъ въ каждомъ народѣ въ отдѣльности господствовали ненависть и вражда между различными классами общества, происходящая главнымъ образомъ отъ того, что однимъ изъ членовъ общества предоставлялись всѣ преимущества и выгоды полноправныхъ гражданъ, а за другими не признавалось никакихъ человѣческихъ правъ. Первые смотрѣли на послѣднихъ, какъ на бездушную вещь, находящуюся въ полномъ распоряженіи своего владѣтеля, обращались съ ними, какъ съ животными и звѣрями. И зато сами эти послѣдніе относились къ своимъ властителямъ, какъ звѣри покорные имъ до тѣхъ поръ, пока крѣпка была цѣпь на ихъ шеѣ и плеть въ рукахъ господина, и готовые при первомъ удобномъ случаѣ по звѣрски мстить своимъ притѣснителямъ за всѣ притѣсненія и униженія перенесенныя ими. И такихъ безправныхъ, униженныхъ и озлобленныхъ личностей въ громадной имперіи, среди которой въ первые вѣка должно было распространяться христіанство, было, полагаютъ, свыше полусотни милліоновъ—болѣе половины всего населенія имперіи. Христіанство своимъ ученіемъ о любви, о всеобщемъ братствѣ людей по природѣ и благодати, и одинаковой для всѣхъ отвѣтственности передъ Богомъ произвело нравственный переворотъ и въ порядкѣ общественномъ, постепенно измѣняя враждебныя отношенія различныхъ общественныхъ классовъ на мирныя, сближая низшіе классы общества съ высшими, смягчая отношенія между подданными и властителями, во всѣхъ возстановляя единую нравственную личность и одинаковыя человѣческія права, и чрезъ то производя постепенное улучшеніе въ судьбѣ униженныхъ и поработенныхъ классовъ общества, и затѣмъ пролагая путь и къ совершенному ихъ освобожденію и полноправному гражданскому устройству. Въ кругу семьи въ древнемъ міръ также не могло быть правильныхъ отношеній; потому что и здѣсь вмѣсто любви взаимныя отношенія членовъ опредѣлялись принужденіемъ и страхомъ. Полной свободой въ семьѣ и всеми правами въ ней пользовался одинъ властелинъ семьи; ближайшая его подруга, мать

семья почти не имѣла въ ней никакого нравственнаго значенія, и потому не могла имѣть никакого вліянія; остальные члены семьи совершенно зависѣли отъ произвола и иногда отъ каприза властелина, которому не положено было никакихъ границъ ни въ законѣ общественномъ, ни въ законѣ религіозномъ. Христіанство своимъ высокимъ ученіемъ о святости семейнаго союза, который долженъ быть ближайшимъ образомъ царства Божія на землѣ и первымъ питомникомъ чадъ Божіихъ, и который поэтому долженъ утверждаться не на другомъ какомъ-либо началѣ, какъ на началѣ любви, преобразовало семью, утвердивъ ее вмѣсто принужденія и страха на началѣ взаимной любви и преданности, возвысивъ нравственное значеніе и вліяніе матери семьи, и давъ мѣсто свободному развитію всѣхъ другихъ ея членовъ. Затѣмъ въ древнемъ государствѣ, обществѣ и семьѣ было много людей, почти совершенно оставляемыхъ безъ всякаго вниманія и государствомъ и обществомъ и семьей, разныхъ несчастливцевъ сдѣлавшихся такими отъ природы, отъ собственной вины или отъ стеченія неблагопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, людей голодныхъ, жаждущихъ, нагихъ, безпріютныхъ, больныхъ, страдающихъ въ заключеніи и ссылкѣ иногда вопреки всякой справедливости и большею частію безъ всякаго снисхожденія и милосердія. На этихъ людей почти не обращали никакого вниманія, до нихъ не было никакого дѣла сытымъ, здоровымъ и болѣе счастливымъ членамъ общества. На нихъ, по собственной ли винѣ они страдали или по причинамъ отъ нихъ независимымъ, смотрѣли какъ на людей прогнѣвавшихъ Бога, и потому справедливо наказываемыхъ Богомъ. Ихъ поэтому чуждались, вмѣсто того, чтобы помогать имъ, ихъ ненавидѣли, презирали, объявляли отверженцами общества, иногда и прямо изгоняли изъ общества, иногда даже и лишали жизни, какъ бесполезныхъ и тяжелыхъ для общества членовъ. Христіанство явилось предъ человечествомъ съ особеннымъ ходатайствомъ за этихъ людей. Оно сняло съ нихъ клеймо исключительнаго проклятія и отверженія, вну-

шивъ всѣмъ людямъ, что безъ особенной милости Божіей и каждый человекъ и все вообще человечество подлежали бы гнѣву Божію, проклятію и отверженію; и потому тѣ, которые пользуются въ жизни большею сравнительно съ другими милостью Божіею, сами должны быть милостивы къ другимъ. Въ людяхъ бѣдныхъ, несчастныхъ, презираемыхъ и отвергаемыхъ христіанство научило видѣть такихъ же чадъ Божіихъ— братьевъ Христовыхъ, вмѣстѣ съ другими людьми призываемыхъ въ Божіе царство и Христово наслѣдіе. Имъ, слѣдуя слову самаго Христа, оно даже по преимуществу усвоило названіе меньшихъ братьевъ Христовыхъ, внушая всѣмъ другимъ людямъ, что все дѣлаемое для этихъ несчастныхъ дѣляется какъ бы для самаго Христа и принимается самимъ Христомъ, и получить себѣ воздаяніе отъ самого Христа. И вотъ такимъ образомъ стали воздвигаться въ мірѣ во имя Христово сиропитательницы для голодныхъ и жаждущихъ, страннопримницы для безпріютныхъ, больницы для больныхъ, богадѣльни для вдовъ и сиротъ и т. д. Свѣтъ и теплота любви христіанской стали проникать въ самые дома заключенія преступниковъ и на мѣста ихъ наказанія и ссылки. И на этихъ несчастныхъ людей христіанство научало своихъ послѣдователей смотрѣть главнымъ образомъ именно какъ на несчастныхъ, остерегаясь безъ разбора произносить строгій судъ надъ ними и помня, что въ числѣ находившихся въ темницѣ и казненныхъ позорною смертію находился и самъ святѣйшій Искушитель человечества Иисусъ Христосъ. Такимъ образомъ подъ вліяніемъ новыхъ взглядовъ, внушаемыхъ христіанскою любовію, стали постепенно улучшаться мѣста заключенія подозрѣваемыхъ въ преступленіи, судъ надъ ними сталъ болѣе и болѣе проникаться началами внимательности и снисхожденія, и самыя наказанія стали получать болѣе исправительный и предупредительный, чѣмъ карательный характеръ. Жесточайшія пытки и казни, часто употреблявшіяся прежде, стали совсѣмъ выходить изъ употребленія, и ни одному изъ самыхъ великихъ преступниковъ христіан-

ская Вѣра не отказываетъ въ томъ, что главнымъ образомъ для него нужно, въ средствахъ духовнаго утѣшенія и примиренія съ совѣстью и Богомъ. Такимъ образомъ подъ вліяніемъ христіанскаго ученія постепенно измѣняются и смягчаются въ человѣчествѣ понятія, нравы, взаимныя отношенія, и самыя законы и учрежденія государственныя....

Правда и доселѣ христіанское начало любви далеко еще не проникло во всѣ отношенія общественныя, и доселѣ—прямо можно сказать—нѣтъ ни одного народа, ни одного общества, въ которомъ бы во всей полнотѣ и жизненности осуществлялось великое начало христіанской любви; и доселѣ иногда повторяются среди народовъ издавна уже находящихся въ христіанствѣ такія явленія и поддерживаются такія отношенія, которыя напоминаютъ собою жестокость и звѣрство древняго міра. Но нужно обратить вниманіе на путь пройденный христіанствомъ, и безпристрастно оцѣнить, что имъ уже сдѣлано для утвержденія въ человѣчествѣ начала любви. Нужно сравнить настоящее состояніе христіанскихъ народовъ въ ихъ понятіяхъ, нравахъ и отношеніяхъ съ состояніемъ народовъ древности или тѣхъ, которые доселѣ остаются внѣ христіанскаго вліянія. Нужно обратить притомъ вниманіе на ту почву, на тѣ условія, среди которыхъ должно было утверждаться христіанское вліяніе, и на множество препятствій, съ которыми постоянно оно должно было бороться. Нужно припомнить, каково, насколько благоприятно для началъ любви было состояніе римской имперіи въ то время, когда стало въ ней распространяться христіанство. Нужно сравнить затѣмъ и нынѣшніе цивилизованные христіанскіе народы съ ихъ предками, каковы они были, когда только что начали утверждать свои поселенія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ теперь живутъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ только-что начали поддаваться вліянію христіанства. Нужно кромѣ того принять во вниманіе, что христіанство никогда не дѣйствовало и не могло дѣйствовать принудительнымъ образомъ при распространеніи въ человѣчествѣ началъ любви (ибо самое это начало отрицаетъ всякое принужденіе); и между тѣмъ

не только въ утвердившихся прежде отношеніяхъ общественныхъ, но въ самой природѣ человѣческой оно должно было встрѣтить множество грубыхъ инстинктовъ и стремленій враждебныхъ вліянію любви. Сколько внутренней работы нужно, чтобы постепенно преодолѣвать и искоренять эти инстинкты и стремленія! Нужно еще принять во вниманіе, что для большей части христіанскихъ народовъ такая внутренняя работа началась позже ихъ видимаго обращенія въ христіанство; на первыхъ порахъ народы большею частію принимаютъ христіанство, когда это дѣлается цѣлыми массами, только внѣшнимъ образомъ, мало сознавая значеніе проповѣдуемыхъ имъ нравственныхъ началъ, и только постепенно они болѣе и болѣе входятъ въ эти начала и проникаются ими. Нужно наконецъ принять во вниманіе, что христіанство еще не завершило своей миссіи въ мірѣ, не прошло до конца своего историческаго пути, и что его назначеніе состоитъ въ томъ, чтобы внутренне очищать и возвышать жизнь человѣчества до тѣхъ поръ, пока будетъ оставаться на землѣ само человечество. Мы не знаемъ, какъ долго еще будетъ стоять міръ и человечество будетъ развиваться въ настоящихъ условіяхъ жизни. Но мы знаемъ, что большая часть человечества остается пока не тронута и внѣшнимъ вліяніемъ христіанства, а внутреннему вліянію его, развитію въ жизни и отношеніяхъ людей нравственныхъ началъ христіанства остается еще многое и многое сдѣлать и измѣнить въ исторіи человечества.

И каждый вѣкъ въ этомъ отношеніи вноситъ свою долю въ исторію развитія христіанскихъ началъ въ жизни человечества. И весь нравственный прогрессъ въ новой исторіи человечества, все, что является въ новыхъ вѣкахъ лучшаго, болѣе свѣтлаго, чистаго, гуманнаго въ понятіяхъ, нравахъ и отношеніяхъ людей, все это имѣетъ несомнѣнную связь съ христіанствомъ, все это плодъ сѣмянъ имъ посѣянныхъ въ жизни человечества. Такъ между прочимъ и все то, что есть лучшаго и болѣе чистаго въ современныхъ ученіяхъ о любви къ человѣчеству, въ современныхъ стремленіяхъ къ улучше-

цію положенія низшихъ классовъ народа, — все это имѣть несомнѣнную связь съ христіанскими началами. Нужды нѣтъ до того, что нѣкоторые изъ современныхъ гуманистическихъ теорій не признають своей связи съ христіанствомъ, и развиваются какъ будто внѣ всякаго вліянія со стороны видимой представительницы христіанскихъ началъ въ мірѣ—Церкви. Христіанскія идеи въ настоящее время настолько уже проникли въ сознание и исторію человѣчества, и каждый изъ людей, рожденныхъ и воспитанныхъ среди христіанскаго общества, настолько отъ самаго дѣтства пропитывается безсознательно этими идеями, что многіе изъ людей новаго времени являются потомъ служителями этихъ идей, сами того не сознавая, и не имѣя новидимому никакого прямаго отношенія къ источнику ихъ происхожденія. Кругъ развитія христіанскихъ идей въ жизни человѣчества въ настоящее время простирается уже гораздо далѣе непосредственнаго вліянія Церкви. Вотъ поэтому-то мы и сказали въ началѣ своей рѣчи, что напрасно иные въ настоящее время выдаютъ ученіе о любви къ человѣчеству и стремленія къ улучшенію положенія наиболѣе нуждающихся и бѣдствующихъ классовъ общества за что-то новое особенное, открытое лишь съ недавняго времени. Все, что есть въ этомъ ученіи и въ этихъ стремленіяхъ лучшаго, все это только раскрытіе одной и той же великой христіанской идеи о любви къ ближнему,—раскрытіе только къ сожалѣнію далеко неполное, неправильное и нечистое. И не только въ настоящее время, а и во всѣ будущія времена все, что можетъ быть придумано или сдѣлано на пользу нуждающагося, бѣднаго и бѣдствующаго человѣчества, все это только тогда будетъ имѣть какую-нибудь прочность, когда будетъ утверждаться на христіанскомъ началѣ, совершаться въ духѣ любви христіанской. Идея любви христіанской, какъ идея божественная, безконечно полна и глубока, и потому способна къ безконечному раскрытію. Въ каждомъ вѣкѣ, въ каждомъ поколѣніи людей могутъ появляться новыя теоріи, новыя формы, новыя примѣненія этой идеи;

но всѣ онѣ въ лучшихъ своихъ сторонахъ будутъ раскрытіемъ одного и того же жизненнаго начала. И съ этой стороны великая заповѣдь о любви къ ближнему останется для человѣчества вѣчно новою заповѣдію, изъ вѣка въ вѣкъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе непрестанно раскрывающеюся въ новыхъ разнообразныхъ формахъ и примѣненіяхъ во благо человѣчества.

И еще въ томъ отношеніи заповѣдь о любви къ ближнему, о состраданіи и помощи бѣдному и страждущему человѣчеству останется навсегда *новою* заповѣдію, что всегда между людьми на землѣ будетъ широкое мѣсто для примѣненія этой заповѣди. Всегда будетъ много на землѣ, какъ было и есть, людей нуждающихся въ утѣшеніяхъ любви, помощи, состраданія — людей, бѣдныхъ, больныхъ, несчастныхъ, страдающихъ духомъ и тѣломъ. Въ новѣйшія времена нѣкоторые мыслители и общественные дѣятели задаются несбыточными мечтами—изобрѣсти для человѣчества такое состояніе, придумать такое общественное устройство, при которомъ бы не оставалось мѣста бѣдности, болѣзни и страданіямъ между людьми, устроить рай на землѣ, осуществить для человѣчества полный идеалъ счастья.. Напрасныя мечты, хотя и рождающіяся иногда изъ благороднаго источника любви къ человѣчеству. Земля не имѣетъ условій необходимыхъ для устройства райской жизни. Полный идеалъ счастья не можетъ быть достижимъ въ этой жизни. Нужда, болѣзнь и горе всегда будутъ спутниками жизни человѣческой въ ея настоящемъ состояніи, потому что причина этихъ несчастныхъ явленій—не внѣшняя, не случайная и преходящая, а глубочайшая внутренняя, заключающаяся въ ненормальномъ состояніи самой природы человѣческой, уклонившейся отъ своего идеала и назначенія, ставшей въ противорѣчіе съ самой собою и со всѣмъ внѣшнимъ міромъ, нарушившей общеніе съ источникомъ всякаго блага и счастья—Богомъ. Пока такое состояніе человѣческой природы будетъ продолжаться, пока не измѣнятся въ корнѣ ненормальныя условія ея жизни, пока не воз-



становятся въ ней правильныя отношенія къ ея собственному идеалу и назначенію, къ внѣшнему міру и къ Высочайшему Существу — Богу, т.-е. пока настоящая жизнь человѣчества не смѣнится новою вѣчною жизнью, пока не откроется для человѣчества *новое небо и новая земля, въ которыхъ правда живетъ*,—до тѣхъ поръ всегда будутъ въ человѣческой жизни и бѣдность и болѣзнь и горе. Такъ учить объ этомъ предметѣ божественное Откровеніе, и внутреннее сознаніе человѣчества и тысячелѣтніе опыты его жизни вполне подтверждаютъ это ученіе Откровенія. Сколько работалъ умъ человѣческій въ продолженіе тысячелѣтій надъ тою задачею, чтобы сдѣлать положеніе людей на землѣ возможно лучшимъ!.. И въ частности, если брать во вниманіе отдѣльныя стороны человѣческой жизни, нельзя какъ будто не замѣчать въ нихъ постепеннаго улучшенія. Прогрессъ въ жизни человѣчества— прогрессъ научный, соціальный, экономическій, политическій есть несомнѣнно. Каждое столѣтіе, можетъ быть каждое десятилѣтіе, человѣчество развивается болѣе и болѣе, обогащается новыми знаніями, новою опытностью, изобрѣтаетъ множество новыхъ средствъ противъ того или другаго изъ физическихъ и нравственныхъ золъ, удручающихъ его. Но что же, зла въ мірѣ дѣйствительно становится меньше? Нужды, болѣзней, страданій въ наше время меньше, чѣмъ было за сто, за двѣсти, за тысячу, за пять тысячъ лѣтъ назадъ? Едва ли какой-либо серьезный и искренній мыслитель и наблюдатель человѣческой жизни сталъ бы съ рѣшительностію отвѣчать на этотъ вопросъ утвердительно. Зло человѣческой жизни—горе и страданіе всякаго рода—какъ будто растетъ со средствами, изобрѣтаемыми противъ него. Изъ вѣка въ вѣка, одну за другою открываетъ челоѣкъ тайны природы, и изобрѣтаетъ средства управлять ея силами, и сколько изобрѣтеній до настоящаго времени уже сдѣлано на этомъ пути! Многое изъ того, чѣмъ мы въ настоящее время пользуемся въ этомъ отношеніи, по справедливости могло бы показаться чудеснымъ, невѣроятнымъ для людей, жившихъ за нѣсколько

столѣтій до насъ. И между тѣмъ и доселѣ въ природѣ остается еще столько непокореннаго власти человѣческой и столько страшнаго и враждебнаго для людей, что могущественныя силы природы и въ настоящее время, какъ прежде, безъ малѣйшаго повидимому усилія могутъ сокрушить плоды вѣковыхъ трудовъ ума человѣческаго и погребсти въ нѣдрахъ земли, въ разливѣ водной стихіи, въ истребительной силѣ огня тысячи людей со всѣми ихъ замыслами и дѣлами рукъ ихъ. И ни одинъ самый смѣлый мыслитель, рассуждая по естественному порядку вещей, не можетъ поручиться за то, чтобы вопреки всѣмъ расчисленіямъ и изобрѣтеніямъ человѣческаго ума страшныя силы природы въ одно мгновеніе или нѣсколько мгновеній не могли положить конецъ всякой жизни на всей той планетѣ, которую мы населяемъ. Точно также изъ вѣка въ вѣкъ люди изучаютъ условія своей собственной органической жизни и стараются изобрѣтать разнообразныя средства противъ разрушительныхъ вліяній, дѣйствующихъ на организмъ, изобрѣтаютъ различныя врачевства противъ болѣзней, измощающихъ человѣчество. И частныя условія органической жизни въ настоящее время дѣйствительно сдѣлались для людей гораздо извѣстнѣе, чѣмъ были прежде; и средствъ противъ различныхъ болѣзней изобрѣтено множество врачбною наукой. Но что же, вообще говоря, меньше стало замѣчаться въ организмѣ челоѣческомъ слабости и болѣзненности, чѣмъ было въ прежнія времена? Наоборотъ, не говоритъ ли общее наблюденіе о томъ, что поколѣнія людскія съ теченіемъ времени становятся все слабѣе и болѣзненнѣе, и что по мѣрѣ изобрѣтенія врачбныхъ средствъ какъ будто умножаются и принимаютъ новыя формы и самыя недуги челоѣческіе?.. Точно также издавна занимается умъ челоѣческій наблюденіемъ законовъ и условій общественной жизни и старается противодѣйствовать бѣдствіямъ людей, происходящимъ изъ неудовлетворительности экономического и соціальнаго ихъ положенія,—старается искоренить между людьми явленія пугды и бѣдности со мно-

жествомъ другихъ, происходящихъ отъ нихъ, золь физическихъ и нравственныхъ. Многое придумано и сдѣлано людьми и на этомъ пути. Но что же опять, меньше ли стало между людьми жалобъ на нужду и бѣдность, чѣмъ было въ прежнія времена? Не видимъ ли мы наоборотъ, что и въ этой области зло какъ будто растетъ вмѣстѣ съ изобрѣтеніями различныхъ средствъ противъ него: экономическія и социальныя отношенія людей запутываются и усложняются болѣе и болѣе, и часто влѣдствіе тѣхъ самыхъ мѣръ, которыя придумываются для ихъ упрощенія и облегченія; нужды и потребности человѣческой жизни увеличиваются вмѣстѣ съ изобрѣтеніями средствъ къ ихъ удовлетворенію. Мы упомянули только объ однихъ вѣшнихъ и самыхъ общихъ бѣдствіяхъ людей, происходящихъ притомъ отъ самыхъ общихъ условій и отношеній, среди которыхъ развивается человѣческая жизнь. А сколько есть кромѣ того страданій внутреннихъ, индивидуальныхъ, зависящихъ отъ множества частныхъ и случайныхъ причинъ! Исслѣдовать эту область человѣческой жизни, сравнивать количество и силу внутреннихъ страданій настоящихъ поколѣній съ внутренними страданіями людей, жившихъ въ прежнія времена, чрезвычайно трудно, если не совсѣмъ невозможно. Но несомнѣнно однакожь то, что по мѣрѣ внутренняго развитія человѣческой природы и прогресса общественной жизни нравственныя страданія людей становятся не меньше, но больше. Потому что самая духовная организація людей по мѣрѣ ихъ внутренняго развитія становится тоньше и чувствительнѣе, ощущенія сильнѣе, стремленія разнообразнѣе, потребности шире, а силы и средства къ ихъ удовлетворенію на всѣхъ ступеняхъ человѣческаго развитія по прежнему остаются ограниченны. Все это причиняетъ людямъ безчисленное множество нравственныхъ страданій, которыя не менѣе самыхъ матеріальныхъ бѣдствій нищеты, болѣзни и под. все болѣе и болѣе удручаютъ человечество. Накопецъ вся энергія ума человѣческаго, въ продолженіе тысячелѣтій борющагося съ бѣдствіями жизни, что могла

сдѣлать противъ величайшаго изъ этихъ бѣдствій, которымъ завершаются всѣ прочія—противъ смерти? Законъ возрастанія, созрѣванія и затѣмъ увяданія и разрушенія организма есть общій законъ человѣческой жизни на всѣ времена. Никакихъ средствъ противъ этого закона умъ человѣческій придумать не можетъ. Элексиръ вѣчной жизни, надъ изобрѣтеніемъ котораго въ прежнія времена трудилось не мало самообольщенныхъ умовъ, давно отнесенъ здравою мыслью въ область химерическихъ мечтаній, куда несомнѣнно будутъ отнесены въ свое время и самообольщенные мечтанія тѣхъ современныхъ умовъ, которые надѣются изобрѣтеніемъ новаго общественнаго устройства изгнать всѣ бѣдствія изъ человѣческой жизни. А до тѣхъ поръ пока поминутый законъ будетъ тяготѣть надъ человечествомъ, т.-е. пока человѣческая жизнь будетъ оканчиваться смертью, горю и страданію въ ней конца быть не можетъ. Потому что съ смертію, которая и сама по себѣ не иначе представляется, какъ величайшимъ несчастіемъ, кромѣ того соединено еще множество другихъ предшествующихъ и послѣдующихъ несчастій—предварительное ослабленіе силъ, необходимыхъ для дѣятельной и счастливой жизни, разнообразныя болѣзни, разрывъ самыхъ дорогихъ жизненныхъ связей, потеря близкихъ сердцу, несчастія вдовства и сиротства и т. д.

Что же послѣ этого, если тысячелѣтнія усилія ума и энергии не могли освободить человечества отъ золь и страданій тяготящихъ надъ нимъ: нужно ли человечеству еще и далѣе истощать свой умъ и энергію въ борьбѣ съ этою непреодолимою массою золь и страданій? не лучше ли будетъ склониться передъ нею съ покорностью и по возможности съ равнодушіемъ? Такой взглядъ на жизнь и проповѣдывали нѣкоторыя изъ древнихъ религіозныхъ и философскихъ ученій. И въ настоящее время одна новѣйшая философская система проповѣдуетъ, что такъ какъ несчастіе есть неразлучный спутникъ жизни, — и самая жизнь, самое бытіе въ существѣ своемъ есть величайшее несчастіе, то людямъ и слѣ-

дуеть однажды навсегда отказаться отъ всякой иллюзіи и мечтаній о счастіи, утвердиться на томъ убѣжденіи, что небытіе лучше бытія, и пожалуй слѣдовать практически этому убѣжденію—искать спасенія отъ золь и страданій въ небытіи, въ смерти... Но не такой взглядъ на жизнь внушаетъ людямъ христіанское ученіе и внутреннее убѣженіе самой человѣческой природы. Безъ прикрасъ и обольщеній христіанское ученіе раскрываетъ передъ человѣкомъ всю глубину зла и страданія, въ которой находится человѣческая жизнь,—но не затѣмъ чтобы человѣкъ съ ужасомъ и отчаяніемъ останавливался передъ нею или съ равнодушіемъ оставался въ ней, но затѣмъ, чтобы человѣкъ употреблялъ съ своей стороны всѣ возможныя усилія выйти изъ этой бездны. Христіанство не обѣщаетъ человѣческимъ силамъ самимъ по себѣ полной побѣды надъ зломъ, и совершенно отрицаетъ возможность такой побѣды въ предѣлахъ настоящей жизни. Побѣда надъ зломъ можетъ быть достигнута человѣкомъ только при помощи силы Божіей, и окончательное истребленіе зла совершится въ другой жизни будущей. Но самая помощь Божія подается человѣку только подъ условіемъ его собственной дѣятельности — его собственныхъ усилій въ борьбѣ со зломъ, и для того чтобы воспользоваться плодами окончательной побѣды надъ зломъ въ жизни будущей, человѣкъ долженъ много бороться съ нимъ въ жизни настоящей. Въ этой борьбѣ развиваются и укрѣпляются духовныя силы человѣка, постепенно становясь чрезъ то болѣе и болѣе способными къ наслажденію истиннымъ и чистымъ блаженствомъ безъ примѣси зла и страданій въ жизни будущей. Безъ этой борьбы напротивъ духовная жизнь человѣка болѣе и болѣе грубѣетъ и разлѣвается, и окончательно огрубѣвшій и разлѣвшійся въ настоящей жизни духъ какъ бы самъ становится уже неспособнымъ къ воспріятію блаженства въ жизни будущей. Такимъ образомъ человѣку нужно много трудиться и бороться съ зломъ если не для того, чтобы окончательно поборотъ зло въ настоящей жизни, то для того,

чтобы при помощи Божіей приготовить себя къ побѣдѣ надъ нимъ въ жизни будущей, — если не для того, чтобы достигнуть на землѣ полного счастія, то для того, чтобы не сдѣлать свою жизнь еще болѣе несчастною. Ибо если люди своими усиліями не могутъ вполне улучшить свое положеніе на землѣ, то ухудшить его и для земной и для будущей жизни своею недѣятельностью, своимъ равнодушіемъ къ злу они безъ сомнѣнія могутъ. Такимъ образомъ всѣ благородныя усилія человѣческой энергіи, всѣ полезныя изобрѣтенія ума человѣческаго имѣютъ свою цѣну въ томъ отношеніи, что если они не совсѣмъ искореняютъ зло на землѣ, то по крайней мѣрѣ въ известной степени ограничиваютъ его развитіе, облегчаютъ, парализуютъ его. Если, какъ мы сейчасъ говорили, при всѣхъ вѣковыхъ усиліяхъ и изобрѣтеніяхъ человѣческихъ жизнь людей вообще говоря не сдѣлалась счастливѣе, чѣмъ была она за тысячи лѣтъ назадъ, то безъ этихъ успліи и изобрѣтеній она была бы еще несчастливѣе. И этого довольно для возбужденія человѣческой энергіи въ предѣлахъ настоящаго существованія человечества. Притомъ если никакія человѣческія усилія не могутъ окончательно искоренить зло въ жизни всего человечества, то ослабить его вліяніе по отношенію къ отдѣльнымъ личностямъ, къ отдѣльнымъ сторонамъ и явленіямъ жизни человѣческой они безъ сомнѣнія могутъ. Никто изъ насъ не можетъ дать идеальнаго счастія всему человечеству, но всякій можетъ что-нибудь сдѣлать для блага хотя и нѣсколькихъ ближнихъ своихъ. И этого опять съ насъ довольно... Христіанское ученіе научаетъ насъ любить не только все человечество въ его отвлеченной идеѣ, но каждаго изъ ближнихъ нашихъ въ его живой личности; и дѣлать добро не въ тѣхъ только расчетахъ, чтобы наши дѣйствія имѣли значеніе для жизни всего человечества, а для того чтобы хотя сколько-нибудь и въ чьемъ-нибудь облегчить положеніе нуждающагося брата по человечеству... И съ этой стороны всякое доброе дѣло, какъ бы оно незначительно повидимому ни было — утоленіе голода

у бѣднаго брата кускомъ хлѣба, или облегченіе жажды чашею воды — имѣеть свою цѣну предъ Богомъ... И съ этой стороны открывается самое широкое поприще для дѣйствій любви, на которомъ не только сильные, могучіе, знатные, разумные, но и слабые, немощные, простые, малоимущіе — всѣ могутъ что-нибудь дѣлать другъ для друга... Даже въ томъ самомъ, что зло и страданіе есть неизбѣжный удѣлъ человеческой жизни на землѣ, и всѣ мы болѣе или менѣе подвержены злу и страданію, — въ этомъ самомъ христіанское ученіе указываетъ намъ новое побужденіе для взаимной любви, состраданія и помощи. Общая участь горя и страданія, тяготѣющая надъ нами, тѣмъ тѣснѣе должна соединять насъ въ братскій союзъ. Всякій изъ насъ, по себѣ зная какъ тяжело переносить горе и страданіе, тѣмъ болѣе долженъ сострадать горю и страданію другихъ; и если никто не можетъ знать, что случится съ нимъ въ продолженіи жизни, и никто не можетъ быть застрахованъ отъ самаго великаго несчастія: то никто поэтому не долженъ относиться безъ участія и состраданія къ тѣмъ людямъ, которые уже терпятъ несчастія. Только при взаимномъ участіи, состраданіи и любви даруется намъ и благодать Божія облегчающая наши общія нужды и страданія. Господь обѣщаетъ свою милость тѣмъ, которые сами милостивы къ другимъ. Богъ любитъ всѣхъ насъ, и всѣмъ желаетъ добра, и всѣмъ готовъ помогать въ нуждахъ и несчастіяхъ. Но ему, какъ общему Отцу, пріятно, если мы и сами, какъ братья, любимъ другъ друга и помогаемъ другъ другу. Пусть наша взаимная помощь другъ другу сама по себѣ не можетъ быть значительною; но она, привлекая и на насъ самихъ и на тѣхъ, кому мы желаемъ помочь, любовь Божію, при братской любви нашей, невидимо приумножается общемою къ намъ отеческою любовію Бога, который Своєю всемогущею силою можетъ насъ избавить отъ всякой нужды и печали.

Таково въ общихъ чертахъ христіанское ученіе о любви къ ближнимъ, о взаимномъ состраданіи, помощи, въ частно-

сти о любви къ меньшимъ братіямъ, о состраданіи и помощи нуждающимся, страждущимъ и обремененнымъ всякаго рода житейскими тягостями.

## II.

Въ новыя времена появляются такія ученія, въ которыхъ поставляется задачей раскрыть идею любви къ человечеству независимо отъ христіанства, на новыхъ оригинальныхъ началахъ, и съ болѣею полнотою и жизненностью, чѣмъ это сдѣлано въ христіанствѣ. Между этими ученіями въ настоящее время по силѣ своего распространенія и по направленію своему заслуживаетъ особеннаго вниманія социалистическое ученіе, — которое имѣеть видимою цѣлю возбудить въ обществѣ преимущественное участіе къ положенію низшихъ, бѣднѣйшихъ, наиболѣе нуждающихся и бѣдствующихъ классовъ общества, и изыскиваетъ средства улучшить положеніе этихъ классовъ общества, сравнять ихъ съ высшими, наиболѣе обеспеченными и довольными классами. Ученіе это значительно распространяется и имѣеть особенныя условія для своего распространенія въ западно-европейскихъ обществахъ. Но оттуда вмѣстѣ съ другими идеями, хотя нерѣдко въ видѣ самомъ искаженномъ и уродливомъ, приходитъ оно и къ намъ и преимущественно распространяется въ нашихъ молодыхъ поколѣніяхъ. Увлеченіе социалистическими идеями, распространяющееся между молодыми людьми, становится уже настолько значительнымъ, что имѣеть рѣшительное вліяніе не только на внутренній строй понятій, но и на вѣдннюю судьбу многихъ изъ нихъ, на миръ и счастье цѣлыхъ семействъ, можно сказать — въ значительной степени на направленіе всего нашего общественнаго развитія. Открываются такимъ образомъ настоятельныя побужденія обратить особенное вниманіе на это ученіе. Намъ въ настоящемъ случаѣ конечно нельзя задаваться задачею — разсмотрѣть это ученіе во всей подробности, оцѣнить его съ политической, экономической и другихъ сторонъ. Наше дѣло обратить вниманіе собственно на нравственную сторону, на нравственныя основы этого ученія, и преимущественно въ отношеніи его къ христіанству.

Каково это учение по своему нравственному характеру, задачамъ и дѣламъ, и какое отношеніе имѣетъ социалистическая идея любви къ человѣчеству къ христіанскому ученію? Объ этомъ предметъ существуютъ мнѣнія самыя противоположныя. Однимъ социалистическое ученіе представляется, какъ самое прямое послѣдовательное, и потому достойное всякаго сочувствія, развитіе христіанскихъ началъ любви къ ближнимъ, и преимущественно къ меньшимъ братіямъ нашимъ. Другимъ напротивъ оно представляется какъ совершенно противоположное и враждебное христіанству, и чрезвычайно опасное и вредное для общественнаго ученія. Чтобы не измѣнить истинѣ, чтобы не увлечься въ ту или другую сторону несправедливыми предубѣжденіями, подъ вліяніемъ которыхъ и бѣлое перѣдко представляется чернымъ и черное бѣлымъ, нужно безпристрастно и внимательно отличать въ социализмѣ тѣ стороны, которыя сближаютъ его съ христіанствомъ, отъ того, что дѣйствительно въ немъ противоположно и враждебно христіанству. Не нужно при этомъ все социалистическія ученія подводить подъ одинъ разрядъ и приговоръ. Нѣкоторыя изъ нихъ болѣе близки къ христіанству; въ другихъ напротивъ нѣтъ почти ничего общаго съ христіанствомъ. Нужно наконецъ постоянно различать между самою основною идеею социализма и развитіемъ этой идеи у разныхъ ея толкователей и послѣдователей. Общая идея социализма можетъ быть достойна всякаго сочувствія; но развитіе и примѣненіе ея можетъ совершенно не соответствовать ея собственному основному характеру.

Что общая идея социализма — идея общественнаго блага, идея любви къ человѣчеству, идея преимущественнаго участія къ низшимъ наиболѣе бѣдствующимъ и нуждающимся классамъ народа — имѣетъ совершенно христіанскій характеръ, составляетъ самую основу нравственнаго христіанскаго ученія, и что эта идея всегда сознавалась въ христіанскомъ мірѣ, и служила источникомъ всего того, что лучшаго развилось подъ вліяніемъ христіанства въ понятіяхъ, нравахъ и от-

вошеніяхъ людей, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, и это въ общихъ чертахъ раскрыто нами выше. Поэтому между приверженцами и почитателями христіанства повидимому не могло бы быть иного отношенія къ социализму, какъ отношенія сочувственнаго; и проповѣдники ученія христіанскаго повидимому со всею искренностью должны были бы привѣтствовать проповѣдниковъ социализма, какъ новыхъ себѣ сотрудниковъ и помощниковъ въ великомъ дѣлѣ распространенія началъ любви между людьми. Соперничества здѣсь не можетъ быть; дѣла для всехъ можетъ быть довольно. Нужды и бѣдствій въ человѣчествѣ, требующихъ постояннаго возбужденія въ немъ чувствъ любви и братскаго состраданія другъ къ другу, въ настоящее время не менѣе чѣмъ когда нибудь было. Быть равнодушнымъ къ этимъ пуждамъ и бѣдствіямъ, отвергать самую необходимость возбужденія между людьми чувствъ любви и взаимнаго состраданія, говорить, что если я здоровъ, то мнѣ нѣтъ нужды до больныхъ, если я богатъ, то мнѣ нѣтъ нужды до бѣдныхъ, если я сытъ, то мнѣ нѣтъ нужды до голодныхъ — какъ рассуждаютъ иные въ осужденіе социалистической проповѣди, — это не только безнравственно, но и неразумно: никто изъ людей хорошо обеспеченныхъ, сытыхъ и здоровыхъ не можетъ быть увѣренъ въ томъ, будетъ ли онъ всегда сытъ, здоровъ и хорошо обеспеченъ. Содѣйствовать по возможности пробужденію общества отъ этого тупаго и самодовольнаго равнодушія къ чужой нуждѣ, котораго къ сожалѣнію остается еще очень много, содѣйствовать распространенію между людьми духа любви и взаимной помощи, возбужденію участія въ богатыхъ къ бѣднымъ, въ сытыхъ къ голоднымъ, въ здоровыхъ къ больнымъ — дѣло въ высокой степени полезное и благородное. И нельзя не отдать справедливости многимъ изъ проповѣдниковъ социалистическаго ученія въ томъ, что это дѣло ведется многими изъ нихъ горячо и повидимому искренно. По крайней мѣрѣ пока на виду одна только отрицательная сторона дѣла, пока проповѣдники социализма занимаютъся изображеніями нужды и несчастій бѣдствующи-

щаго народа и не переходят къ изложеніямъ своихъ мечтательныхъ плановъ относительно улучшенія его положенія, проповѣди ихъ дѣйствительно бываютъ очень живы, горячи и сильны. Иныя изъ нихъ по самымъ частнымъ своимъ приѣмамъ много напоминаютъ знаменитыя проповѣди о милосердіи и любви къ ближнимъ величайшихъ проповѣдниковъ христіанства и знаменитыхъ филантроповъ своего времени Василя Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, Амвросія Медиоланскаго и др. Эти-то горячія, сильныя и возбуждательныя проповѣди, въ связи съ общою высокою идеею социализма, и производятъ такое сильное впечатлѣніе на воспримчивыя умы людей молодыхъ, и вообще довѣрчивыхъ, простодушныхъ, не умѣющихъ за красивыми словами и общими идеями различать дѣйствительный смыслъ и сокровенныя цѣли, имѣющіяся въ виду при распространеніи того или другаго ученія.

Но всякою идеею самою высокою можно злоупотреблять; всякому ученію самому доброму можно давать лживое толкованіе и зловмѣренное примѣненіе. Подъ покровомъ высшей религіозно-правственной идеи преслѣдовались иногда цѣли во все не религіозныя и не правственныя, а грубыя, своекорыстныя и жестокія. Подъ знаменемъ науки проповѣдуются иногда идеи не имѣющія никакого отношенія къ здоровой, точной и строгой наукѣ. Подъ эгидою свободы совершаются такія дѣяствія и выполняются такіе замыслы, которые могутъ прокладывать путь къ самому жестокому деспотизму. Точно также и подъ покровомъ любви къ человѣчеству могутъ совершаться такія дѣяствія, проповѣдываться такія ученія и преслѣдоваться такія цѣли, которыя не имѣютъ ничего общаго съ любовью къ человѣчеству. Такое искаженіе чистыхъ и высокыхъ идей неправильными толкованіями и зловмѣренными примѣненіями, прикрытіе ими цѣлей, побужденій и дѣяствій вовсе имъ несоотвѣтствующихъ, называется лицемѣріемъ въ широкомъ смыслѣ этого слова. И справедливо говорятъ, что лицемѣріе есть одинъ изъ самыхъ гнусныхъ и отвратительныхъ пороковъ. И чѣмъ возвышеннѣе и чище та идея, которою зло-

употребляютъ лицемѣры, тѣмъ болѣе отвратительнымъ и вреднымъ представляется лицемѣріе. Почему напр. между людьми прямыми и благородными такъ презираются лицемѣры религіозныя? Потому, что они злоупотребляютъ самою высокою и святою идеею — идеею религіозною для прикрытія своихъ личныхъ цѣлей не имѣющихъ ничего общаго съ религіею. Но не въ одной религіозной сферѣ могутъ быть лицемѣры; они могутъ находить себѣ мѣсто и въ области научной, литературной, государственной, филантропической, во всѣхъ высшихъ и благороднѣйшихъ сферахъ общественной жизни и дѣятельности. И во всѣхъ общественныхъ сферахъ лицемѣріе должно быть строго изобличаемо и искореняемо; потому что не избличенное настоящимъ образомъ лицемѣріе не только обольщаетъ множество личностей, увлекающихся его благовидною личиною, но и вредитъ той самой идеѣ, которою оно прикрывается и во имя которой дѣйствуетъ; оно искажаетъ эту идею, мѣшаетъ ея правильному пониманію и развитію, подрываетъ довѣріе къ ней, возбуждаетъ противъ нея различныя недоразумѣнія и предубѣжденія.

Въ наше время изъ среды высшихъ идей преимущественно три идеи подвергаются искаженіямъ и злоупотребленіямъ — идея науки, идея свободы и идея блага общественнаго и любви къ человѣчеству. Причина этому заключается въ томъ, что лицемѣріе всегда старается поддѣлываться подъ господствующія идеи времени и общества; а въ наше время въ образованномъ обществѣ наиболѣе господствующія и преобладающія идеи—это именно идеи научныя, политическія и социальныя, какъ въ другія эпохи господствующими идеями были напр. религіозныя, эстетическія и т. д. (Ибо всякое время, всякая эпоха имѣютъ свои господствующія преобладающія идеи). Потому-то въ наше время имена науки, свободы, блага общественнаго и любви къ человѣчеству имѣютъ такое большое обаяніе для всѣхъ образованныхъ умовъ. Потому-то современная образованная молодежь, которая всегда особенно бываетъ чутка къ воспріятію идей своей эпохи, съ особеннымъ увле-

ченіемъ бросается на все, что выступаетъ передъ нею подъ знаменемъ науки, свободы, блага общественнаго и любви къ человѣчеству. Потому-то въ наше время о наукѣ, о свободѣ, о благѣ общественномъ, о любви къ человѣчеству любятъ съ жаромъ и самоувѣренностью говорить и такіе люди, которые собственно говоря, ни къ наукѣ, ни къ свободѣ, ни къ благу общественному не имѣютъ никакого серьезнаго отношенія. Даже и такіе люди, которые въ душѣ вовсе не сочувствуютъ идеямъ науки, свободы, блага общественнаго, которые въ другое время скорѣе стали бы противодѣйствовать развитію такихъ идей, не осмѣливаются прямо высказываться противъ нихъ, стараются поддѣлываться подъ нихъ, примѣняются къ нимъ, лицемѣрять предъ ними. Такое большое вліяніе имѣетъ духъ времени надъ мнѣніями и расположеніями людей: неудивительно поэтому, что и при самомъ высокомъ настроеніи господствующаго духа времени, въ немъ всегда можетъ открываться самое широкое мѣсто лицемѣрью и злоупотребленію всякаго рода.

Говорить и дѣйствовать противъ лучшихъ стремленій своего времени, говорить противъ увлеченія идеями науки, свободы, блага общественнаго—по меньшей мѣрѣ неразумно; и не потому только что противъ господствующихъ идей какой бы ни было эпохи вообще бороться очень трудно; но и потому главнымъ образомъ, что упомянутыя нами господствующія идеи нашего времени — идеи науки, свободы, блага общественнаго и любви къ человѣчеству сами по себѣ высокія, прекрасныя, достойныя всякаго сочувствія и уваженія. И что наша современная образованная молодежь увлекается такими идеями, объ этомъ не только нѣтъ серьезныхъ основаній сѣтовать, но скорѣе этому нужно радоваться; потому что искреннее и серьезное увлеченіе такими идеями во всякомъ случаѣ должно свидѣтельствовать о серьезномъ нравственномъ настроеніи въ увлекающихся. Увлеченіе идеями науки, свободы, любви къ человѣчеству во всякомъ гораздо выше и благороднѣе, чѣмъ увлеченіе идеями личной наживы, даже личнаго честолюбія,

чувственныхъ наслажденій и т. д.. Нужно желать только, чтобы молодежь увлекающаяся идеями науки, свободы, любви къ человѣчеству, увлекалась ими серьезно и искренно, умѣла понимать, что такое истинная наука, свобода, любовь къ человѣчеству, и не принимала за эти высокія идеи того, что не имѣетъ къ нимъ никакого близкаго отношенія.

Но въ томъ-то и дѣло, что подъ знаменемъ высокихъ идей науки, свободы и блага общественнаго распространяются въ настоящее время такія ученія, которыя къ этимъ высокимъ идеямъ не имѣютъ никакого отношенія, распространяются посредствомъ тайной пропаганды какъ прелесть запрещеннаго плода, какъ высшая мудрость, къ участию въ которой призываются самыя избранныя личности. И такими-то ученіями увлекаются многіе незрѣлые и несчастные молодые люди. И изъ-за такихъ-то увлеченій происходятъ величайшія несчастія, имѣющія рѣшительное вліяніе не только на судьбу многихъ личностей, но на судьбу цѣлыхъ семействъ, въ нѣкоторой степени на судьбу всего общественнаго развитія. Неразвившіеся, не окрѣпшіе и преждевременно извращенные умы лишаются средствъ къ дальнѣйшему развитію и укрѣпленію. Жизнь многихъ молодыхъ людей, изъ которыхъ при добромъ направленіи могли бы выйти полезные общественные дѣятели, безвременно разбивается и пропадаетъ безъ всякой пользы для общества. Миръ и счастье цѣлыхъ семействъ разрушаются. Вслѣдствіе неразумнаго злоупотребленія идеями науки, свободы, блага общественнаго возбуждаются предубѣжденія противъ самыхъ истинныхъ идей науки, свободы и блага общественнаго, является недовѣріе къ нимъ, правильное развитіе ихъ задерживается и извращается. Нужно говорить и дѣйствовать противъ этихъ несчастныхъ увлеченій и злоупотребленій не только во имя блага и счастья отдѣльныхъ личностей, но имя живаго участія къ молодому поколѣнію, на которомъ покоятся лучшія надежды, опирается будущее общества, но и во имя истиннаго пониманія и высокаго достоинства самыхъ идей науки, свободы, блага общественнаго. Чѣмъ болѣе будутъ очи-

щаться эти идеи отъ фальшивыхъ перетолкованій и искаженій, тѣмъ правильнѣе и безпрепятственнѣе будетъ совершаться въ обществѣ развитіе ихъ.

Въ настоящемъ случаѣ, соотвѣтственно съ избраннымъ предметомъ рѣчи, мы остановимъ вниманіе на тѣхъ ученіяхъ, въ которыхъ по преимуществу искажается идея блага общественнаго, любви къ человѣчеству и преимущественно къ меньшимъ братіямъ, низшимъ, наиболѣе нуждающимся и бѣдствующимъ классамъ общества. Мы разумѣемъ здѣсь именно тѣ крайнія и искаженныя социалистическія ученія, которыя распространяясь преимущественно посредствомъ тайной пропаганды производятъ столько зла между легковѣрною молодежью, и которыя подъ видомъ блага общественнаго и любви къ человѣчеству преслѣдуютъ тенденціи и цѣли не имѣющія ничего общаго съ благомъ общественнымъ и истинною любовью къ человѣчеству. Оговоримся еще—мы ничего не намѣрены говорить противъ социальной идеи самой въ себѣ, которая въ своемъ истинномъ смыслѣ и правильномъ развитіи могла бы представляться истинною, достойною всякаго сочувствія и уваженія и вполне согласною съ христіанствомъ идеею. Но мы будемъ говорить противъ тѣхъ крайнихъ и извращенныхъ толкованій и примѣненій социальной идеи, которыя къ истинному социализму имѣютъ также мало отношенія, какъ и къ истинному христіанству, и вслѣдствіе которыхъ основная идея социализма—сама въ себѣ добрая и высокая—сдѣлалась для общества какимъ то пугаломъ, страшлищемъ, — девизомъ всякихъ безбожныхъ, безнравственныхъ и противообщественныхъ тенденцій.

Чтобы понять, каковы эти фальшивыя и крайнія социалистическія ученія, обратимъ прежде всего вниманіе на ихъ отношенія къ христіанству и его видимой представительницѣ — Церкви. Еслибы приверженцы этихъ ученій дѣйствительно имѣли въ виду чистую любовь къ человѣчеству, которая раскрывается и въ христіанскомъ ученіи, и проповѣдуется церковью, почему бы имъ не становиться прямо

подъ великое знамя христіанства и не дѣйствовать въ союзѣ съ церковью въ осуществленіи своихъ идей? И однакожь очень немногіе изъ нихъ показываютъ искреннее расположеніе къ христіанству и церкви. Большая часть социалистовъ совершенно отрицаютъ всякую связь съ христіанствомъ, выдаютъ свое ученіе за ученіе новое, появившееся лишь въ недавнія времена, имѣющее свой источникъ не въ христіанствѣ, а въ разныхъ философскихъ и политическихъ ученіяхъ прошлаго и нынѣшняго столѣтія. Въ этихъ новыхъ ученіяхъ великая идея любви къ человѣчеству обнимается будто бы глубже, полнѣе и живненнѣе, чѣмъ въ христіанствѣ. Нѣкоторые изъ социалистовъ стараются для виду давать своему ученію христіанскій характеръ, прикрашиваютъ свои проповѣди текстами и выдержками изъ Священнаго Писанія, примѣрами изъ церковной исторіи, но они дѣлаютъ это вовсе не потому, чтобы они на самомъ дѣлѣ искренно сочувствовали христіанству, а потому что подъ покровомъ ученія христіанскаго или согласнаго съ христіанствомъ имъ удобнѣе кажется привлечь къ себѣ и оболъгать массы простодушныхъ и неопытныхъ людей, неспособныхъ проникать въ истинный смыслъ и сокровенныя цѣли ихъ ученія. Какъ извѣстно, такъ всегда поступали разные лжеучители старавшіеся распространять ложныя идеи подъ покровомъ христіанскаго ученія. Но какой странный извращенный смыслъ получаетъ христіанство въ толкованіяхъ подобныхъ учителей, какъ отрывочно берутъ, какъ произвольно объясняютъ и примѣняютъ они тѣ и другія мѣста изъ Свящ. Писанія, тѣ и другіе факты изъ священной исторіи!.. Для примѣра укажу на одно знаменитое положеніе, которое не такъ давно во Франціи однимъ изъ проповѣдниковъ социализма развивалось въ публичныхъ лекціяхъ, будто бы объясняющихъ смыслъ христіанскаго ученія: это положеніе состоитъ въ томъ, что будто бы Иисусъ Христосъ любилъ только простой народъ и ненавидѣлъ всѣхъ знатныхъ людей и начальниковъ народа. Или укажу на то нелѣпое толкованіе евангельской притчи о сѣмени и плевелахъ, по которому будто подъ пше-



ницею предназначенною къ собранію въ житницу Божию разумѣтся одинъ простой народъ, а подъ плевелами обрекаемыми на безпощадное сожженіе въ день суда Божія всякія начальства и власти, и вообще всѣ такъ-пазываемые привилегированные классы общества. Изъ христіанства — ученія чистаго и кроткаго, полнаго любви всеобъемлющей и всеобъединяющей социалисты желали бы сдѣлать ученіе злобное и разрушительное, пристрастное къ однимъ классамъ общества и враждебное къ другимъ, не примиряющее, а возстановляющее людей другъ противъ друга. Всѣхъ самыхъ высокыхъ представителей христіанства они стараются представить въ образъ революціонеровъ новѣйшаго времени. У нихъ и Иисусъ Христосъ революціонеръ, и Іоаннъ Предтеча коммунистъ, и апостолъ Павелъ агитаторъ, и Василій Великій социалистъ, и Іоаннъ Златоустъ — демагогъ и т. д. Таково у нихъ христіанство, и такова ихъ искренность и правдивость по отношенію къ нему. Къ христіанству положительному, какъ оно представляется церковью, къ самой церкви они большею частію относятся чрезвычайно враждебно. Церкви — въ ихъ планахъ построенія царства всеобщей любви и братства между людьми — большею частію не дается мѣста. Многіе изъ нихъ самое построеніе этого великаго царства — этой всеобщей коммуны — прямо желали бы начать именно съ разрушенія церкви и искорененія всякой вообще религіи.

За что же? Если эти люди дѣйствительно имѣютъ въ виду распространеніе началъ любви и братства на землѣ, за что же они относятся съ ненавистью къ христіанству и церкви? Не могутъ же они отрицать того, что христіанствомъ и церковью всегда проповѣдывались именно эти самыя начала любви и братства, что они составляютъ самое основаніе — самую сущность христіанскаго ученія, и что все лучшее и гуманнѣйшее въ отношеніяхъ людей за послѣдніе восемнадцать вѣковъ болѣе или менѣе развилось подъ прямымъ или непрямымъ влияніемъ христіанства? Не могутъ они отрицать того, что благодаря влиянію христіанства и церкви смягчились въ мірѣ

международныя предубѣжденія и непріязни, улучшился самый образъ правленія государственнаго, законы государственные стали болѣе проникаться началами гуманности и справедливости, общественныя отношенія сдѣлались болѣе чистыми и благородными, въ семьѣ установились также болѣе чистыя и гуманныя отношенія, возвысилось въ семьѣ и обществѣ значеніе угнетенной и опозоренной женщины, улучшилось положеніе низшихъ классовъ народа, возвысилось значеніе чело-вѣческой личности независимо отъ ея внѣшняго положенія, возникло множество благодѣтельныхъ благотворительныхъ учрежденій, распространились между людьми болѣе чело-вѣчюлюбивыя взгляды на людей бѣдныхъ, несчастныхъ, угнетенныхъ, даже на нравственно падшихъ — на самыхъ преступниковъ. Ужели за все это христіанство можетъ заслуживать презрѣніе или ненависть, и отъ такихъ притомъ людей, которые сами желаютъ быть въ обществѣ проповѣдниками братства и любви?..

«Но христіанство, говорятъ, недостаточно послужило имъ же провозглашенной великой идеѣ любви, недостаточно способствовало распространенію и утвержденію ея между людьми. Въ церкви христіанской проповѣдь любви большею частію оставалась отвлеченною проповѣдью, мало проникавшею въ жизнь. Между христіанскими народами, послѣ восемнадцати вѣковъ существованія христіанства, доселѣ держатся явленія и отношенія прямо противоположныя началу любви. Въ самой церкви нерѣдко поддерживались и создавались такія явленія и отношенія. Церковь поддерживала деспотизмъ и рабство, церковь возбуждала религіозныя войны, церковь создала инквизицію и т. д.» На эти упреки мы отчасти уже дали отвѣтъ выше. Еслибы и была въ этихъ упрекахъ нѣкоторая справедливость, еслибы и въ самомъ дѣлѣ можно было сказать, что церковь не все сдѣлала, что могла сдѣлать, для распространенія въ чело-вѣчествѣ началъ братства и любви; развѣ все-таки ею сдѣлано мало, и развѣ за это несомнѣнно сдѣланное она заслуживаетъ порицанія и ненависти, а не со-

чувствія и благодарности? Что церковью сдѣлано много для распространенія любви между людьми, сдѣлано несмотря на множество препятствій, не смотря на самыя неблагопріятныя для такой дѣятельности условія прежнихъ временъ, этого конечно никто не станетъ отрицать: доказательства на лицо — въ современномъ состояніи христіанскихъ обществъ сравнительно съ тѣмъ состояніемъ, въ какомъ находились человѣческія общества до христіанства, и въ какомъ доселѣ онѣ находятся внѣ христіанства. Никто также не можетъ отрицать того, что христіанство, при своемъ несомнѣнно великомъ и несмотря на увѣренія прогивниковъ болѣе и болѣе распространяющемся влияніи на человѣчество, можетъ и въ будущемъ очень много сдѣлать для нравственнаго усовершенствованія человѣческихъ обществъ, особенно когда церковь, разивши внутреннія стороны собственно религіозной жизни — догматическую, обрядовую, по преимуществу станетъ обращать вниманіе, какъ это уже и замѣчается въ настоящее время, на развитіе нравственныхъ началъ христіанства въ примѣненіи къ внѣшнимъ условіямъ жизни общественной, государственной и т. д. Не лучше ли при этомъ, не полезите и не благоразумнѣе ли всѣмъ новымъ ревнителямъ блага общественаго и любви къ человѣчеству соединиться съ этою великою силою, имѣющею влияніе на сотни милліоновъ людей, въ служеніи благу общественному, вмѣсто того чтобы при самомъ началѣ своей дѣятельности вступать во вражду съ нею и желать ея уничтоженія? Упрекаютъ церковь въ томъ, что она недостаточно послужила распространенію началъ любви въ человѣчествѣ. Но кто же можетъ, кто имѣетъ право дѣлать такіе упреки? Какая другая историческая сила сдѣлала въ этомъ отношеніи болѣе, чѣмъ сколько сдѣлано христіанскою церковью? Не социализмъ ли? Пока отъ него, кромѣ нѣсколькихъ безплодныхъ мечтаній въ теоріи и нѣсколькихъ волненій и безпорядковъ въ общественной и политической жизни, человѣчество ничего прочнаго не получило. Когда социализмъ сослужитъ человѣчеству такую же службу, какую сослужила

ему христіанская церковь, когда онъ столько же распространитъ въ человѣчествѣ добрыхъ понятій, нравовъ и отношеній, столько устроитъ благотворительныхъ учреждений, столько несчастныхъ избавитъ отъ нужды и горя, сколько всего этого въ продолженіе многихъ вѣковъ сдѣлала христіанская церковь; тогда онъ пусть считаетъ себя въ правѣ порицать христіанскую церковь. Но тогда социализмъ не сталъ бы дѣлать этого; онъ не сталъ бы тогда относиться къ христіанской церкви съ ненавистью и ожесточеніемъ: ибо два серьезные историческіе дѣятели, имѣющіе въ виду одни и тѣ же начала и цѣли, не могутъ относиться другъ къ другу иначе, какъ съ взаимнымъ сочувствіемъ и уваженіемъ.

Наконецъ враги церкви съ особеннымъ злорадствомъ любятъ указывать на такіе историческіе факты и случаи, когда церковь видимо измѣняла своему высокому призванію, и поддерживала и даже сама создавала между людьми отношенія, прямо противорѣчащія духу любви, каковы напр. были дѣйствія свирѣпаго средне-вѣковаго фанатизма, инквизиціи, религіозныхъ войнъ. Этихъ печальныхъ фактовъ въ исторіи христіанства конечно отрицать нельзя. Тѣмъ менѣе можно оправдывать ихъ во имя какихъ-либо высшихъ нравственныхъ цѣлей. Но зачѣмъ же обращать вниманіе на одни темныя стороны въ исторіи христіанства и преувеличивать ихъ, а свѣтлыя совсѣмъ забывать? Зачѣмъ явленіямъ, имѣвшимъ частный характеръ, бывшимъ произведеніемъ особеннаго духа времени, духа времени не христіанствомъ созданнаго, а противодѣйствовавшаго, не поддававшагося христіанскому влиянію, или дѣйствіямъ личностей внесившихъ въ жизнь церковную вовсе не церковныя начала, зачѣмъ такимъ явленіямъ придавать общее значеніе, и ставить ихъ въ связь съ самыми основными началами жизни церковной, которыя къ этимъ явленіямъ не имѣютъ никакого отношенія? Всякою доброю идеею можно злоупотреблять; и всякое могущественное влияніе даетъ поводъ къ тому, чтобы злоупотреблять имъ. Но справедливо ли изъ-за частныхъ злоупотребленій, совершаемыхъ во имя извѣстной идеи, возбуждать нареканіе и нена-

висть противъ этой самой идеи? И самый социализмъ современный можетъ ли быть свободенъ отъ упрека въ томъ, что онъ, проповѣдуя въ общей идеѣ любовь и братство, допускаетъ между тѣмъ покрываться его знаменемъ такимъ тенденціямъ, которыя совершенно противоположны началамъ любви и братства? Какъ мы увидимъ далѣе, социализмъ, при всей недавности своего развитія, и при всемъ томъ, что ему приходится развиваться на почвѣ уже смягченной христіанскимъ вліяніемъ и въ эпоху болѣе свѣтлую сравнительно напр. съ средними вѣками, съ самаго же начала своей исторіи даетъ возможность прикрываться его именемъ такимъ тенденціямъ и дѣйствіямъ, которыя по своей жестокости и несправедливости далеко должны превзойти всѣ ужасныя дѣйствія средневѣковаго фанатизма, инквизиціи и религіозныхъ войнъ. Свирѣпыя дѣйствія религіознаго фанатизма, жестокости средневѣковой инквизиціи хотя и находили себѣ мѣсто въ церкви (притомъ главнымъ образомъ въ церкви неправославной, исказившей чистую истину христіанства), и прикрывались церковнымъ авторитетомъ (притомъ не самою церковію, а болѣе человѣческими страстями созданнымъ), но сама же церковь — въ лучшей, болѣе правильно понимающей духъ христіанства части своей—всегда произносила строгій судъ на эти жестокости. А въ современномъ социализмѣ произносится ли анаеема противъ тѣхъ безобразныхъ и безчеловѣчныхъ дѣйствій и тенденцій, которыя между его приверженцами распространяются во имя блага общественнаго и любви къ человѣчеству? Къ сожалѣнію, нѣтъ; потому что едва ли не большая часть приверженцевъ социалистической идеи, какъ она понимается въ настоящее время, сочувствуетъ такимъ дѣйствіямъ и тенденціямъ, считаетъ ихъ существенно связанными съ самими основами социалистической идеи и необходимыми для осуществленія ея въ настоящее время.

Если современный социализмъ въ крайнихъ своихъ представителяхъ расположенъ враждебно относиться къ христіанству, и желалъ бы при предполагаемомъ имъ построеніи цар-

ства всеобщей любви и братства устранить совершенно вліяніе религіи, любопытно знать, на какихъ же основаніяхъ, помимо религіозныхъ, самъ онъ надѣется утвердить любовь и братство между людьми? Религія—христіанство представляетъ людямъ множество самыхъ высокихъ и священныхъ побужденій къ тому, чтобы они любили другъ друга и помогали другъ другу. Оно убѣждаетъ насъ къ этому во имя единства чело-вѣческой природы, во имя всеобщаго братства людей, имѣющихъ одного Бога Творца и Отца и происходящихъ отъ одной первосозданной Имъ четы человѣческой; во имя достоинства человѣческой личности, созданной по образу Божію и призванной къ высшимъ нравственнымъ цѣлямъ непрестаннаго богоуподобленія; во имя единого для всѣхъ Искупителя, ходатая и примирителя—Богочеловѣка Иисуса Христа, всѣхъ людей призывающаго въ Свое братство и царство и всѣмъ заповѣдающаго любить другъ друга; во имя Его святѣйшей крови, пролитой за всѣхъ людей, во имя безсмертной трапезы, всѣмъ предлагаемой, въ которой мы, таинственно соединяясь со Христомъ, въ тоже время тѣснѣйшимъ образомъ соединяемся другъ съ другомъ,—во имя великихъ наградъ въ будущей жизни, по преимуществу обѣтованныхъ отъ Христа тѣмъ, которые помогаютъ своимъ братьямъ въ настоящей жизни; наконецъ во имя самой общей участи нашей здѣсь на землѣ, по которой мы всѣ находящіеся въ падшемъ состояніи подъ гнѣвомъ Божіимъ испытываемъ общія немощи, нужды и страданія, и потому всѣ должны сочувствовать и сострадать другъ другу, носить тяготы другъ друга. Всѣ эти высокія побужденія для людей отвергающихъ христіанство не имѣютъ значенія. Они не вѣруютъ ни въ единого Бога-Отца и Творца всѣхъ людей, ни въ Иисуса Христа—всеобщаго Искупителя и Примирителя, ни въ Его крестную жертву, принесенную за все человѣчество, ни въ святую трапезу тѣла и крови Господней, ни въ будущія награды и наказанія. Самое достоинство человѣческой природы, ея духовность, ея высшее нравственное призваніе, а также и одинаковость этой природы

у всѣхъ людей, происхожденіе всѣхъ людей отъ одного родоначальника и неизбежность для всѣхъ на землѣ общей участи нужды и страданія — все это для невѣрующихъ, отрѣшившихся отъ религіознаго убѣжденія можетъ представляться дѣломъ весьма сомнительнымъ. Что же послѣ этого можетъ располагать людей ко взаимной любви и помощи? На какихъ основаніяхъ можетъ быть утверждено въ человѣчествѣ всеобщее царство любви и братства? У людей, отвергающихъ религію, остается нѣсколько основаній такъ-называемаго естественнаго гуманизма или филантропіи, которыя повторяются ими при всякомъ случаѣ, чтобы ученіе ихъ совѣмъ не казалось безъ всякаго смысла и опоры. Но всѣ эти основанія безъ твердой опоры религіозной сами представляются весьма шаткими. Какія это основанія? Общія права человѣчества, по которымъ каждый можетъ рассчитывать на участіе другихъ людей и одинаковую съ другими людьми долю счастья на землѣ? Но на чемъ же могутъ утверждаться эти права, когда и самое достоинство духовной человеческой природы и одинаковость ея во всѣхъ людяхъ для невѣрующихъ, какъ мы сказали, остается дѣломъ сомнительнымъ? Возвышенность и благородство идеи гуманизма самой въ себѣ, внутреннее удовольствіе, которое всякій можетъ находить въ добромъ дѣлѣ, во взаимной любви и помощи? Но дѣйствительно ли такія побужденія могутъ имѣть цѣну для всякаго? Дѣйствительно ли всякій или хотя большая часть людей болѣе можетъ испытывать удовольствія отъ того, чтобы отдать свой рубль нуждающемуся ближнему, чѣмъ отъ того, чтобы сберечь и употребить его для самаго себя? И дѣйствительно ли возвышенность и благородство идеи гуманизма самой въ себѣ такъ для всѣхъ убѣдительно, что они въ свою очередь не требуютъ для себя новаго подтвержденія и разъясненія?... Солидарность личныхъ интересовъ съ общими, по которой каждый дѣйствуя для блага другихъ получаетъ въ тоже время пользу себѣ? Вотъ еще основаніе, на которое особенно любятъ ссылаться въ настоящее время. Но это основаніе до такой степени шатко, что его съ такимъ

же удобствомъ можно обратить совершенно въ другую сторону—противоположную всякой идеѣ гуманизма и филантропіи. Если меня убѣждаютъ помогать ближнимъ во имя того, что это будетъ выгодно для меня самаго, то пусть уже мнѣ самому и предоставятъ сообразить, что для меня выгоднѣе—помогать другимъ или жить только для самаго себя. Большая часть людей навѣрное этотъ вопросъ рѣшила бы для себя такъ, что взаимной помощи людямъ другъ отъ друга послѣ этого и ожидать было бы нечего. На чемъ еще могутъ держаться филантропическія идеи помимо основаній религіозныхъ? Говорятъ иногда о законѣ историческаго прогресса, по которому идея гуманизма вмѣстѣ съ другими высшими идеями извѣка въ вѣкъ должна болѣе и болѣе развиваться между людьми. Указываютъ въ общественномъ мнѣніи развитыхъ людей обязательство къ тому, чтобы люди поддерживали другъ друга и помогали другъ другу. Но всѣ эти основанія сами по себѣ до такой степени шатки и не ясны, что на нихъ рѣшительно ничего прочнаго утвердить нельзя. Какую несомнѣнность могутъ имѣть законы историческаго прогресса для людей отвергающихъ высшее духовное значеніе человеческой жизни? Какую твердую обязательность можетъ имѣть общественное мнѣніе, часто само неизвѣстно на чемъ опирающееся и постоянно колеблющееся и измѣняющееся? По истинѣ можно сказать, что всякая естественная филантропія, разрушающая подъ собою религіозную основу, тѣмъ самымъ разрушаетъ и свое собственное существованіе. Безъ религіи не можетъ быть между людьми ни истинной нравственности, ни истинной гуманности. И если мы видимъ иногда въ настоящее время людей, отрѣшившихся отъ религіознаго убѣжденія и тѣмъ не менѣе проникнутыхъ высокими гуманными идеями и чувствами; то это объясняется только тѣмъ, что въ этихъ людяхъ независимо отъ ихъ собственнаго сознанія и расположенія еще держатся остатки религіозно-нравственныхъ вліяній, полученныхъ ими отъ того общества, среди котораго они родились и воспитались. Еслибы

остатки этихъ вліяній совершенно исчезли между людьми, вмѣстѣ съ тѣмъ исчезли бы между ними и всѣ добрыя чувства и гуманныя отношенія, и люди опять возвратились бы къ тому состоянію, *когда человекъ для человека зѣремъ былъ.*

### III.

Разсмотрѣвши отношенія крайнихъ социалистическихъ теорій къ христіанству, мы посмотримъ теперь, каковы эти теоріи сами въ себѣ—по своему внутреннему характеру—по своимъ принципамъ, задачамъ и цѣлямъ.

Уже изъ того самаго, что крайніе социалисты враждебно относятся къ христіанству, можно предположить, что нравственный принципъ ихъ совсѣмъ другой, чѣмъ принципъ христіанства, хотя они и даютъ своему принципу то же названіе, какое имѣетъ нравственный христіанскій принципъ. Нравственный принципъ христіанства есть любовь. Социалисты также увѣряютъ, что нравственный принципъ ихъ ученія есть любовь къ человѣчеству, преимущественно къ бѣдствующему и нуждающемуся человѣчеству. Но еслибы это такъ было, изъ-за чего бы тогда социалистамъ расходиться и враждовать съ христіанствомъ? Не есть ли любовь къ человѣчеству для социалистовъ только праздное слово, употребляемое для того, чтобы замаскировать отъ непосвященныхъ истинный смыслъ ихъ ученія и привлечь къ нему больше послѣдователей? Не есть ли настоящее начало крайняго социализма начало противоположное любви—не есть ли это начало вражды, злобы, возмущенія, разрушенія? Да, таковъ на самомъ дѣлѣ характеръ крайняго современнаго социализма, не истиннаго социализма, каковъ онъ долженъ бы быть по своей идеѣ, еслибы развивался согласно съ христіанскою идеею о любви къ человѣчеству, но того крайняго и ложнаго социализма, который ставши во враждебное отношеніе къ Христіанству, раз-

вивается въ духѣ совершенно противоположномъ ему — въ духѣ революціонномъ. Не мы приписываемъ современному социализму революціонный характеръ, который по существу дѣла не долженъ бы имѣть ничего общаго съ социальной идеей; а самъ онъ принялъ этотъ характеръ, вслѣдствіе чего и сдѣлался предметомъ ужаса и отвращенія для людей мира и порядка. Революціонное начало не есть начало любви и мира. Оно есть начало вражды, возмущенія, насилій и жестокостей всякаго рода.

Социалисты водружаютъ на знамени проповѣдуемаго ими ученія великіе принципы всеобщаго братства и любви къ человѣчеству. Но присмотритесь получше къ этимъ новымъ проповѣдникамъ всеобщей любви, прислушайтесь къ ихъ рѣчамъ, вникните въ характеръ распространяемаго ими ученія, обратите вниманіе на тѣ средства, какія они употребляютъ для распространенія ученія, и на результаты приносимые этимъ ученіемъ въ той средѣ, гдѣ оно распространяется, обратите наконецъ вниманіе на отдаленнѣйшіе планы и мечты, временами высказываемые ими, — и вы поймете, можно ли этимъ людямъ повѣрить, будто они только и думаютъ и заботятся о распространеніи между людьми началъ братства и любви. Что особенно бросается на видъ въ характерѣ этихъ учителей, по отзывамъ людей знающихъ ихъ, и какія свойства характера они сами въ особенности любятъ выставлять на показъ? Желчность, раздражительность, озлобленіе, недовольство всѣмъ и всѣми, жесткость и рѣзкость въ личныхъ и общественныхъ отношеніяхъ. Съ этими ли свойствами можно быть проповѣдниками истинной любви? Какія свойства они стараются также развивать въ своихъ послѣдователяхъ—въ тѣхъ неопытныхъ юношахъ или въ тѣхъ доврчивыхъ людяхъ изъ простаго народа, которыхъ имъ удается привлекать къ своему ученію? Тѣ же самыя: недовольство всѣмъ, жесткость, грубость, раздраженіе, озлобленіе. Изъ такихъ ли элементовъ можно созидать всеобщее царство брат-

ства и любви? Прислушайтесь къ печальнымъ разговорамъ въ тѣхъ семьяхъ, куда этимъ ученіямъ удается распространить свое вліяніе. Сколько отцовъ и матерей жалуются на то, что сыновья и дочери ихъ, прежде покорные, кроткіе и преданные семьѣ, начинаютъ чуждаться семьи, становятся холодны, дерзки, грубы съ того времени, какъ начинаются поддаваться вліянію этихъ новыхъ ученій. Можно ли ожидать, чтобы такіа ученія, разрушающія миръ и любовь въ тѣснѣйшемъ кругу семьи, создали братство и любовь во всемъ человѣчествѣ? Какимъ тономъ большею частию отличаются горячія рѣчи проповѣдниковъ этого ученія, которыми они такъ сильно дѣйствуютъ на неопытные умы своихъ прозелитовъ? Большею частию эти рѣчи также исполнены ненависти, страстной злобы, раздраженія. Даже тогда, когда они стараются преимущественно говорить въ духѣ любви, когда они напр. стараются возбуждать участіе къ положенію нуждающихся и бѣдствующихъ классовъ народа, нельзя не замѣтить, что ихъ горячія рѣчи — страстныя изображенія нужды и бѣдствій народныхъ выходятъ главнымъ образомъ не изъ искренней любви къ народу, а изъ страстной ненависти противъ тѣхъ, кого они считаютъ виновниками бѣдствій народныхъ. Въ этой обаятельной пропагандѣ всеобщаго братства и любви нерѣдко можно услышать и такіа слова, какъ ножъ, топоръ, кровь, огонь, убійство, разграбленіе, возстаніе. Это ли слова истинной проповѣди о братствѣ и любви? Всѣмъ извѣстно, что когда представителямъ революціоннаго социализма представлялся случай провести свои слова и мечты въ дѣло, они и на самомъ дѣлѣ нерѣдко ознаменовали себя всѣми тѣми дѣяніями, о которыхъ такъ свободно говорятъ въ своихъ рѣчахъ: заговорами, возстаніями, убійствами, грабежами и т. д. Наконецъ къ чему въ дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ сводится проповѣдь социалистовъ, какими цѣлями и планами она задается, какими средствами предполагаетъ достигнуть устроенія на землѣ всеобщаго братства и любви?

Средства и планы эти именно состоятъ въ томъ, чтобы распространить недовольство и раздраженіе сколько возможно въ большей массѣ людей, возстановить одни общественные классы противъ другихъ, и затѣмъ при помощи этого повсюду возбужденнаго недовольства и озлобленія ниспровергнуть существующія общественныя и экономическія отношенія, не разбирая въ нихъ лучшаго и худшаго, т.-е. отнять у людей то, съ чѣмъ они сжились цѣлыми поколѣніями въ продолженіи многихъ вѣковъ, что для нихъ близко и дорого, — уничтожить установившіяся въ обществѣ права, преданія, собственность, привязанности, перевернуть вверхъ дномъ весь порядокъ, все развитіе, всѣ законы исторіи, и затѣмъ на развалинахъ разрушеннаго утвердить новый порядокъ общественныхъ отношеній. А такъ какъ безъ сомнѣнія при этомъ страшномъ переворотѣ найдется не мало людей, которые не захотятъ разставаться съ старымъ порядкомъ и станутъ защищать его; то такихъ людей не только насильственно можно принуждать къ тому, чего они не желаютъ, но и безъ всякаго стѣсненія истреблять всевозможными средствами. По отношенію къ такимъ людямъ не имѣютъ мѣста никакія нравственныя обязательства, никакое снисхожденіе, ни даже требованія самой простой честности и справедливости. По отношенію къ нимъ позволительны и ложь и обманъ и вѣроломство всякаго рода, и ножъ и ядъ и грабежи и поджоги и всѣ самыя жестокія и безнравственныя дѣйствія. И еслибы такихъ людей оказалось не только десятки и сотни, но тысячи, десятки тысячъ и сотни тысячъ; и еслибы между ними оказались люди связанные съ послѣдователями новаго ученія родственными или другими какими узамъ, — никому изъ нихъ не должно быть снисхожденія и пощады ради будущаго блага человѣчества.

Мы далеки отъ того, чтобы всѣмъ приверженцамъ социалистическаго ученія приписывать такіа мысли и планы. Многие изъ нихъ, особенно тѣ, которые только привлекаются къ

новому учению и передъ которыми еще не раскрываются вполне его тайные планы и замыслы, можетъ-быть вовсе и не подозреваютъ въ немъ всего того, чѣмъ оно задается и къ чему ведетъ общество; неопытные прозелиты новаго учения оболъщаются его внѣшней благовидною стороною, увлекаются громкими и пышными фразами о благѣ общественномъ и любви къ человечеству. Тѣмъ болѣе мы далеки отъ того, чтобы связывать всѣ темные замыслы и планы революціонно-соціалистической пропаганды съ самою сущностью соціальной идеи: къ истинному соціализму, каковъ онъ долженъ бы быть по своей идеѣ, они также мало имѣютъ отношенія, какъ инквизиція къ истинному христіанству. И, какъ мы уже сказали прежде, именно во имя самой же соціальной идеи нужно отвергнуть и осудить эти темныя и превратныя ученія, чтобы очистить отъ нихъ соціальную идею, высокую и благородную саму въ себѣ для болѣе правильнаго развитія въ будущемъ. Но что нынѣшніе крайніе представители соціалистической идеи, желающіе дѣйствовать революціоннымъ путемъ, имѣютъ всѣ эти темные замыслы, и постепенно стараются привлечь къ нимъ своихъ послѣдователей—молодыя поколѣнія и рабочіе классы народа, этого отрицать нельзя. Это неопровержимо доказывается не только какими-нибудь тайными проектами и уставами революціонно-соціалистическихъ кружковъ, но и тѣми общими и популярными изложеніями ихъ мечтаній, которые подъ именемъ воззваній и прокламацій предназначаются ими даже для распространенія въ средѣ простаго народа.

И такъ вотъ это новое—оригинальное, возвышенное и поистинѣ необыкновенно замысловатое ученіе, въ основаніи котораго полагается насиліе и неправда всякаго рода, раздраженіе, ненависть, грабежъ, убійство, возстаніе,—а въ результатахъ обѣщается царство всеобщей любви, мира, справедливости и полнѣйшаго довольства и счастья. Трудно понять только, какимъ же это образомъ можетъ выйти изъ всеобщаго недовольства—довольство, изъ возмущенія—миръ, изъ

вражды — любовь, изъ неправды — высшая справедливость и т. д.?

«Но это, говорятъ, только мѣры временныя, вызываемыя крайними неустройствами существующаго порядка вещей. Это необходимое разчищеніе сорной почвы для построения новаго зданія. Противъ насилія необходимо бороться насиліемъ, противъ неправды неправдою, противъ зла зломъ. Безъ этихъ мѣръ невозможно искоренить на землѣ тѣхъ дурныхъ порядковъ и отношеній, которые препятствуютъ осуществленію между людьми всеобщаго братства, мира и счастья. Когда эта цѣль будетъ достигнута, когда установятся между людьми новыя экономическія и политическія отношенія на новыхъ гуманныхъ и справедливыхъ началахъ, — тогда сами собою исчезнутъ вражда, насиліе и жестокость, распространится повсюду всеобщій миръ и довольство, настанетъ царство всеобщей любви, всѣ будутъ равными и братьями, раскуются мечи на плуги, копыя на серпы и т. д.»

И такъ въ новомъ ученіи возстанавливается старый іезуитскій принципъ—для добрыхъ цѣлей позволительно употреблять дурныя средства, противъ насилія и неправды нужно дѣйствовать насиліемъ и неправдою. Разница съ іезуитствомъ здѣсь только та, что іезуиты никогда не позволяли себѣ рекомендовать употребленіе преступныхъ средствъ такъ открыто и въ такихъ размѣрахъ, какъ это дѣлаютъ новѣйшіе соціалисты. Тамъ если дозволялось нарушать клятвы, совершать подлоги, убивать или отравлять кого-нибудь, то все-таки дозволялось это дѣлать со всевозможною скрытностью и въ самыхъ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ. А здѣсь самымъ открытымъ образомъ проповѣдуется вѣроломство и насиліе, грабежъ и безчеловѣчная рѣзня для достиженія добрыхъ цѣлей, въ которыя притомъ большая часть предводителей соціализма сама едва ли искренно вѣритъ. За что же послѣ этого въ наши времена такое негодованіе противъ іезуитской морали, противъ безправственности іезуитскихъ принциповъ? Развѣ только

за то, что іезуитское ученіе при всей своей безнравственности все-таки хотѣло сохранить хоть какой-нибудь религіозный смыслъ и характеръ: а это новое ученіе открыто хвалится и своею безнравственностью и своимъ безбожіемъ?...

Но не будемъ много говорить о нравственности или безнравственности этого принципа, будто для добрыхъ цѣлей позволительно употреблять дурныя средства. Эта сторона дѣла для всякаго обладающаго хоть сколько-нибудь нравственнымъ смысломъ и чувствомъ не можетъ быть непонятной. Обратимъ вниманіе на логическую и практическую вѣрность этого принципа, независимо отъ его нравственнаго достоинства; съ этой стороны дѣло, къ сожалѣнію, многимъ далеко не представляется такимъ яснымъ, какимъ оно должно быть по существу своему. Несмотря на давнюю общезвѣстность христіанскаго принципа, что только добромъ можетъ быть побѣждаемо зло, очень многіе изъ людей все еще остаются склонными думать напротивъ, что съ зломъ необходимо бороться только его собственнымъ оружіемъ. На этомъ основаніи у многихъ создаются убѣжденія такого рода, что тамъ, гдѣ господствуютъ плутовство и обманъ, нельзя самому прожить безъ плутовства и обмана; тамъ, гдѣ личность человѣческая можетъ часто подвергаться насилию, оскорбленію, грубости, клеветѣ, единственное средство обезопасить себя отъ всего этого можетъ состоять только въ томъ, чтобы всегда быть готовымъ отвѣчать на насилие насилиемъ, на обиду обидою, на грубость грубостью, на клевету клеветою. Изъ этого же источника беретъ свое начало и то убѣжденіе, что тамъ, гдѣ приходится дѣйствовать хотя бы и для добрыхъ цѣлей при дурныхъ общественныхъ условіяхъ, необходимо бываетъ прибѣгать къ дурнымъ средствамъ. Въ дѣйствительности этотъ расчетъ оказывается ошибочнымъ. Если брать во вниманіе и одни ближайшія послѣдствія всякаго дѣйствія, весьма рѣдко замѣчается, чтобы насилие могло быть искореняемо насилиемъ, чтобы распространеніе клеветы могло быть останавли-

ваемо новою клеветою, чтобы противъ обиды и грубости дѣйствительнѣйшими средствами могли быть обратныя обиды и грубости,—и чтобы вообще отъ какого-либо дурнаго дѣйствія могли происходить хорошія послѣдствія. Напротивъ большею частію бываетъ такъ, что если противъ насилия начинаютъ дѣйствовать насилиемъ, насилие чрезъ то еще болѣе закрѣпляется, если клевету стараются отражать клеветою, клевета чрезъ то еще болѣе распространяется; если на обиды и несправедливости отвѣчаютъ обидами и несправедливостями, источникъ для обидъ и несправедливостей увеличивается чрезъ то болѣе и болѣе. И вообще всякое дурное дѣйствіе непременно сопровождается и какимъ-нибудь дурнымъ послѣдствіемъ. Это, мы говоримъ, большею частію замѣчается даже и тогда, когда обращается вниманіе на одни ближайшія послѣдствія всякаго дѣйствія. А еслибы, не ограничиваясь ближайшими послѣдствіями, можно было серьезно разсматривать всякое дѣйствіе во всѣхъ его отдаленнѣйшихъ послѣдствіяхъ, то непременно и необходимо всегда оказывалось бы такъ, что только отъ добрыхъ дѣйствій могутъ происходить добрыя послѣдствія, а отъ дурныхъ дурныя.

Такъ оно и должно быть по существу дѣла, по непреложнымъ законамъ міровой жизни. Въ мірѣ нравственномъ въ этомъ отношеніи господствуетъ тотъ же законъ, что и въ мірѣ физическомъ: всякая причина производитъ соотвѣтственное себѣ дѣйствіе, всякое дѣйствіе сопровождается соотвѣтственнымъ себѣ послѣдствіемъ, какъ всякое дерево производитъ соотвѣтственные себѣ плоды. Только отъ добра можетъ происходить добро, отъ свѣта свѣтъ, отъ любви любовь. Напротивъ отъ зла, вражды, насилия, несправедливости не иное что можетъ произойти, какъ зло, вражда, насилие и несправедливость. Утверждать противное, предполагать, что справедливость, миръ и любовь могутъ быть основаны на неправдѣ, насилии и враждѣ — это все равно, что бѣлое обращать въ черное, и черное въ бѣлое, изъ свѣта производить тьму и изъ тьмы свѣтъ, тепломъ замораживать и холодомъ согрѣвать.



Въ нашъ просвѣщенный вѣкъ должно бы быть совѣстно повторять и доказывать такія простыя элементарныя истины. Но къ сожалѣнію въ наше просвѣщенное время многіе до того запутались въ разныхъ хитрыхъ и сложныхъ комбинаціяхъ мысли, что отъ времени до времени становится необходимымъ возвращаться именно къ самымъ простымъ и элементарнымъ нравственнымъ положеніямъ.

Люди, не имѣющіе твердыхъ нравственныхъ принциповъ и склонные на нравственную сдѣлку, допускаютъ нравственныя различія между человѣческими дѣйствіями, одни дѣйствія признаютъ важными, другія неважными, одни дѣйствія имѣющими цѣль въ самихъ себѣ, другія только служащими средствомъ для другихъ цѣлей, и говорятъ, что нужно заботиться о нравственной чистотѣ только важнѣйшихъ дѣйствій, а на другія можно и не обращать вниманія, что только цѣли наши должны быть хороши, а средства для нихъ могутъ быть употребляемы и дурныя. Но по отношенію къ высшему нравственному закону не должно быть такого различія между человѣческими дѣйствіями; по отношенію къ высшему нравственному закону всѣ человѣческія дѣйствія должны быть хороши и нравственны, какъ тѣ, въ которыхъ заключаются существеннѣйшія цѣли жизни, такъ и тѣ, которыя служатъ только средствами для этихъ цѣлей. Въ нравственной жизни главное состоитъ въ чистотѣ того источника, изъ котораго она развивается, въ чистотѣ того внутренняго настроенія, которымъ опредѣляются частныя нравственныя дѣйствія. У кого душа чиста, у кого внутреннее расположеніе нравственно, тотъ не станетъ давать себѣ разрѣшеніе на безнравственныя дѣйствія хотя бы и въ виду высшихъ нравственныхъ цѣлей. Напротивъ, когда мы видимъ, что человѣкъ совершаетъ нехорошія дѣйствія, у насъ справедливо является предположеніе, что у этого человѣка душа нехороша, нравственное расположеніе испорчено; и къ такому человѣку мы уже не можемъ имѣть нравственнаго довѣрія; если у него нехорошія дѣйствія прикрываются и хорошими нравственными цѣлями,

у насъ естественно раждается подозрѣніе относительно чистоты и искренности этихъ самыхъ цѣлей. Поэтому-то весьма опасно бываетъ, и при самомъ искреннемъ расположеніи къ добру, позволять себѣ идти на нравственную сдѣлку, рѣшиться на завѣдомо дурныя дѣла хотя бы и ради самыхъ хорошихъ цѣлей. Человѣкъ, рѣшающійся вступить на такой путь, самъ не можетъ твердо ручаться за свое нравственное будущее. Разрѣшивъ себѣ въ продолженіе извѣстнаго времени совершать дурныя дѣйствія ради доброй цѣли, онъ можетъ настолько свыкнуться съ такими дѣйствіями и втянуться въ нихъ, что для него уже трудно будетъ отстать отъ нихъ и тогда, когда предположенное время пройдетъ, и когда цѣль, ради которой первоначально избранъ былъ дурной путь, уже и будетъ достигнута. Говорятъ, многіе скупцы, доходящіе до крайняго развитія своей страсти—тѣ скупцы, которые нищенствуютъ и умираютъ съ голоду, имѣя у себя состояніе въ сотни тысячъ рублей, начинаютъ съ того, что рѣшаются отказывать себѣ во многомъ только до тѣхъ поръ, пока у нихъ накопится извѣстная сумма, могущая обезпечить имъ безбѣдное существованіе на дальнѣйшіе годы жизни. А потомъ, когда и эта сумма и вдвое и вдесятеро большая накапливается, скупость все болѣе и болѣе растетъ вмѣстѣ съ нею. Точно также многіе воры постепенно доходятъ до крайняго развращенія, на первый разъ допустивши себѣ совершить безчестное дѣло только по нуждѣ или подъ какими нибудь благовидными предлогами. При слабости человѣческой природы, при легкости, съ какою могутъ развиваться въ ней всякіе дурные инстинкты, весьма опасно подъ какими бы то ни было благовидными предлогами сознательно давать развиваться въ жизни дурнымъ расположеніямъ. Начавшись съ какихъ нибудь частныхъ дурныхъ поступковъ, зло постепенно заражаетъ и портитъ самые источники нравственныхъ дѣйствій—внутреннія расположенія человѣческія. А отъ тѣхъ людей, у которыхъ испорчены самыя внутреннія нравственныя расположенія, уже трудно ожидать добраго и въ дальнѣйшемъ будущемъ. Понятно теперь, къ чему можетъ при-

вести людей то новое учение, которое предполагает вести ихъ къ царству всеобщаго довольства, мира и братства путемъ недовольства, раздраженія и вражды, которое хочетъ существующія въ мірѣ несправедливости и насилія искоренять новыми несправедливостями и насиліями, которое ради высшихъ проповѣдуемыхъ имъ цѣлей дозволяетъ употреблять такія средства, какъ обманъ, клятвopреступленіе, грабежъ, убійство и даже всеобщую рѣзню — всемірную революцію. Разумѣется такое учение въ случаѣ успѣха своего не могло бы привести ни къ чему другому, какъ къ большому укорененію между людьми несправедливости, насилія, раздраженія и вражды, — ничего другаго не могло бы дать людямъ, кромѣ бдльшаго зла и страданія, и ничего другаго не могло бы воспитать въ людяхъ, кромѣ бдльшаго равнодушія ко всякаго рода преступнымъ и безнравственнымъ дѣйствіямъ — къ обману, вѣроломству, грабежу, убійству и т. д. По свойствамъ дерева можно предполагать, какіе должны быть плоды отъ него.

Всеми своему раздраженію и озлобленію, всѣмъ насиліямъ и неправдамъ, всѣмъ преступнымъ и незаконнымъ дѣйствіямъ проповѣдуемымъ во имя высшей идеи, социалисты даютъ временное значеніе. Это, говорятъ, необходимо только до тѣхъ поръ, пока идетъ борьба съ старымъ порядкомъ вещей; въ борьбѣ всякія средства позволительны. Какъ скоро эта борьба будетъ кончена, какъ скоро по ниспроверженіи стараго порядка нужно будетъ приступить къ созданію новаго, всякое раздраженіе и вражда должны быть оставлены, на мѣсто ихъ должны явиться всеобщее братство, миръ и любовь. — Но какъ же это изъ раздраженія и вражды могутъ вдругъ явиться миръ и любовь? Какимъ образомъ въ людяхъ, пропитанныхъ злобою и недовольствомъ и всюду старающихся сѣять злобу и недовольство, вдругъ пробудятся мирныя братскія расположенія и чувства? И можно ли такимъ людямъ, привыкшимъ все ниспровергать и разрушать, повѣрить, что они могутъ явиться когда — нибудь устроителями всеобщаго братства и

мира? Выражаясь языкомъ старыхъ аллегорій, это было бы все равно, что повѣрить волку общающемуся превратиться въ ягненка, еслибы ему поручили стеречь овчарню, давши только напередъ перерѣзать охраняющихъ ее собакъ и сторожей, или повѣрить лисицѣ, желающей стеречь курятникъ. Не скорѣе ли можно полагать наоборотъ, что эти раздраженные и озлобленные люди явились бы еще бдлье злыми и жестокими, въ настоящемъ свѣтѣ показали бы свою волчью и лисью натуру, еслибы имъ удалось достигнуть своихъ цѣлей? — Не такъ ли всегда оказывалось на самомъ дѣлѣ? Не являлись ли эти устроители всеобщаго братства и равенства путемъ революціоннымъ жестокими тиранами и деспотами, какъ скоро имъ приходилось хоть на короткое время гдѣ нибудь захватить власть въ свои руки? Справьтесь съ дѣяніями монстерскихъ пророковъ въ Германіи въ тридцатыхъ годахъ XVI вѣка, когда послѣ крестьянскихъ войнъ имъ удалось на нѣкоторое время устроить въ Вестфалии коммунистическое царство. Припомните страшный революціонный терроръ во Франціи въ концѣ прошлаго столѣтія. Или припомните, какъ въ недавнее время въ 1871 году среди великаго и несчастнаго европейскаго города, осажденнаго непріятельскими войсками и истерзаннаго борьбою народныхъ партій и измѣнами всякаго рода, чейсовая толпа коммунистовъ свирѣпствовала и безобразничала надъ всѣмъ, что составляло славу и гордость ихъ собственнаго отечества. Вотъ поэтому-то никогда и нигдѣ не могло быть прочно торжество революціонныхъ и коммунистическихъ началъ, и никогда ничего само по себѣ оно не могло дать народамъ, кромѣ безпокойствъ и несчастій всякаго рода. Несчастный народъ, временно увлекающійся этими идеями и помогавшій мнимымъ проповѣдникамъ свободы и братства ниспровергать существующіе въ государствѣ порядки и власти, всегда въ короткое время разочаровывался въ своихъ увлеченіяхъ, тяжелымъ опытомъ испытывалъ, что подъ опекою этихъ устроителей братства и свободы ему приходилось жить хуже, чѣмъ когда-нибудь, и большею частію

искалъ отъ нихъ спасенія въ возстановленіи тѣхъ самыхъ властей и порядковъ, которые въ революціи были отвергнуты ими... Опасно вступать на путь зла, хотя бы и на время, и брать въ руки орудія зла, хотя бы и для добрыхъ цѣлей. Мы не можемъ сказать того, чтобы всѣ эти проповѣдники братства и свободы, рѣшающіеся итти къ своимъ цѣлямъ революціоннымъ путемъ, съ самаго начала задавались деспотическими и террористическими цѣлями. Многие изъ нихъ при началѣ своей дѣятельности можетъ быть искренно бывають одушевлены идеями или по крайней мѣрѣ мечтами высокими и благородными. Но, вступая на дурной путь вражды и насилія, привыкая постепенно пользоваться дурными средствами въ достиженіи своихъ цѣлей, раздражаемые постоянно борьбою съ тѣмъ, въ чемъ они видять противодѣйствіе своимъ идеямъ, постепенно привыкая сливать свою идею съ своею личностью, и постепенно переходя отъ борьбы за идеи къ борьбѣ личнаго самолюбія и личныхъ интересовъ, они незамѣтно для самихъ себя къ концу своего поприща могутъ такъ втянуться во всякія дурныя дѣйствія и тенденціи, что когда и приходитъ имъ удобное время осуществлять свои первоначальныя благородныя мечтанія о благѣ человѣчества, отъ этихъ мечтаній, каковы они были въ первоначальномъ чистомъ видѣ, не остается и слѣда: на мѣсто общественнаго блага выступаютъ личные счеты и интересы съ пріобрѣтенною привычкою пользоваться для предположенныхъ цѣлей самыми неразборчивыми средствами. Поэтому-то такіе люди оказываются неспособными не только къ устроенію общественнаго блага, не только къ утвержденію началъ братства, любви и мира въ цѣлыхъ массахъ народныхъ, но и въ своемъ тѣсномъ кружкѣ—въ кружкѣ послѣдователей однихъ и тѣхъ же идей—они рѣдко бывають способны надолго поддержать миръ и согласіе. Большею частію между ними поднимаются личные счеты, враждебныя другъ противъ друга подозрѣнія и интриги, измѣны и вѣроломства всякаго рода, уже при самомъ началѣ ихъ дѣятельности. Самое большее, если между ними поддер-

живается хотя паружный союзъ во все то время, пока имъ приходится бороться съ тѣми, кого они считаютъ своими общими врагами. Но какъ скоро эта борьба оканчивается, какъ скоро имъ удастся отдѣлаться отъ всего, что имъ противно было, и захватить въ свои руки то, о чемъ они мечтали, они обыкновенно, какъ звѣрп, начинаютъ терзать другъ друга, не щадя при этомъ и своего общаго дѣла. Доказательства на это въ исторіяхъ революцій всѣхъ странъ и вѣковъ. И это ли путь ко всеобщему благу и счастью? И это ли устроители всеобщаго довольства, мира и братства между людьми?..

Далѣе, если первые сѣятели революціонныхъ идей способны еще ручаться за себя, что для нихъ мѣры насилія и вражды должны послужить только временными мѣрами для достиженія цѣлей братства и любви, то могутъ ли они ручаться въ томъ же и за всѣхъ своихъ послѣдователей, которыхъ они стараются привлечь къ своему ученію отовсюду, и большею частію даже безъ вниманія къ нравственнымъ качествамъ и умственнымъ настроеніямъ ихъ, только бы оказывалась въ нихъ рѣшимость и смѣлость итти избраннымъ путемъ? Не могутъ ли найтись между этими послѣдователями такіе, которые способны будутъ воспринятому ученію дать болѣе широкое толкованіе? Не могутъ ли насиліе, обманъ и вражда, которыя на первыхъ порахъ допускаются въ этомъ ученіи какъ средство, какъ временная мѣра, обратиться для иныхъ въ самую цѣль—въ самую сущность новаго ученія? Начало этому мы уже и видимъ въ настоящее время. Уже и теперь между приверженцами революціонно-соціалистическихъ идей есть много такихъ, у которыхъ прежнее соціалистическое ученіе, по крайней мѣрѣ прикрывавшееся высокими идеями общаго блага и любви къ человѣчеству, перешло уже прямо въ ученіе о личномъ благѣ,—о личной выгодѣ, какъ послѣдней цѣли всѣхъ человѣческихъ стремленій,—объ эгоизмѣ, какъ основномъ началѣ всякихъ дѣйствій. Есть и такіе, которые соотвѣтственно новому, недавно провозглашенному будто бы научному принципу, примѣняютъ къ человѣческой жизни и

общественнымъ отношеніямъ чисто звѣрный принципъ борьбы за существованіе. Есть цѣля революціонныя партіи, въ планахъ которыхъ всеобщая смута, вражда и разрушеніе проповѣдуются какъ послѣднія цѣли сами въ себѣ безотносительно ко всему дальнѣйшему, которыя прямо говорятъ, что имъ нужно только низпровергнуть ненавистный существующій порядокъ, потопить его въ потокахъ пламени и крови — въ неудержимомъ разливѣ всякихъ дурныхъ инстинктовъ и страстей; а тамъ можетъ ли что другое возникнуть на мѣсто разрушеннаго порядка, имъ до этого дѣла нѣтъ. Чего можно ожидать человѣчеству отъ распространенія такихъ идей и ученій?—Но, скажутъ, такія идеи не имѣютъ ничего общаго съ истинною социалистическою идеею? Пусть такъ. Но развѣ распространители подобныхъ идей не становятся также подъ знамя социалистической пропаганды? Развѣ представители болѣе серьезно понимаемой социальной идеи отдѣлили ихъ отъ себя, произнесли на нихъ анаѣму? И развѣ во многихъ жалкихъ головахъ хотя бы и нашихъ пныхъ неразвитыхъ и сбитыхъ съ толку юношей и не-юношей неукладываются рядомъ одна подлѣ другой такія идеи, какъ любовь къ человѣчеству и личный эгоизмъ, всеобщее братство и звѣрный принципъ борьбы за существованіе, какъ идеи одной и той же пропаганды, одного и того же новаго ученія?... Опасно пролагать путь злу: зло въ своемъ развитіи можетъ пойти гораздо далѣе тѣхъ предѣловъ, въ какихъ первоначально рассчитываютъ допустить его. Опасно въ общественномъ дѣлѣ давать мѣсто смутѣ и насилію, дурнымъ инстинктамъ и страстямъ: одни могутъ допускать ихъ только въ виду высшихъ и общихъ цѣлей, а другіе станутъ пользоваться ими для цѣлей личныхъ и самыхъ низкихъ. Въ мутной водѣ всегда, говорятъ, находится не мало охотниковъ рыбу ловить. И если самые высокіе принципы и идеи подвергаются злоупотребленіямъ, служить иногда прикрытіемъ для цѣлей и тенденцій безчестныхъ; то тѣмъ болѣе нравственный принципъ сомнительнаго свойства, прямо допускающій употребленіе дурныхъ средствъ въ

виду общихъ далекихъ цѣлей, можетъ дать мѣсто самому широкому развитію всякихъ дурныхъ инстинктовъ и страстей. Если подъ самыми чистыми знаменами правды и добра укрываются иногда люди безъ чести и совѣсти — воры и мошенники, то тѣмъ болѣе свободный пріютъ и разрѣшеніе на все можетъ дать такимъ людямъ общественное знамя съ сомнительнымъ и прямо дурнымъ нравственнымъ оттѣнкомъ.

Еще болѣе—могутъ ли пропагандисты революціонно-социалистическихъ идей поручиться за тотъ самый народъ, во имя котораго они ведутъ свою пропаганду, что онъ воспользуется результатами ихъ пропаганды въ случаѣ ея успѣха именно такъ, какъ они желаютъ и рассчитываютъ? Пропагандисты стараются распространить въ массахъ народныхъ всеобщее раздраженіе и недовольство, чтобы при помощи ихъ низпровергнуть существующій порядокъ вещей. Но не можетъ ли это раздраженіе и недовольство, еслибы революціонной пропагандѣ удалось распространить его въ народныхъ массахъ въ такой степени, въ какой имъ желается, обратиться въ послѣдствіи противъ нихъ самихъ и противъ того новаго порядка общественныхъ отношеній, какой имъ желается устроить на смѣну существующему порядку? и можно ли на самомъ дѣлѣ придумать такой планъ общественнаго переустройства, который бы могъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ народныхъ массъ, требованіямъ притомъ искусственно возбужденнымъ и раздраженнымъ до крайней степени революціонной пропагандой? Извѣстно, что и въ этомъ отношеніи ни одна революція не отвѣчала обѣщаніямъ возбуждавшихъ ее агитаторовъ и желаніямъ возбужденныхъ ими народныхъ массъ. Рассказываютъ, что когда во Франціи въ 1848 году парижскіе рабочіе возбужденные социалистическою пропагандой помогли, кому это нужно было, произвести революцію, глава народныхъ массъ ремесленникъ Альберъ приступилъ къ одному изъ главныхъ вождей социализма Луи Блану, чтобы онъ далъ народу давно обѣщаемый социалистическою пропагандой планъ лучшей организаціи рабочаго труда. Луи

Бланъ благоразумно уклонился отъ того, чтобы предлагать народу какой ли свой планъ общественнаго переустройства, и предложилъ самому Альберу высказать отъ имени рабочихъ, какихъ постановленій и гарантій они желали бы для обезпеченія лучшей организаціи труда. Сколько однакожь, говорятъ, ни думали эти два устроителя народнаго блага о планѣ лучшей организаціи труда, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ они не могли ничего придумать для него, кромѣ общаго заглавія «организація труда». (А послѣ, хотя и придуманы были такъ названныя «національныя мастерскія», но эти мастерскія оказались такимъ неудавшимся средствомъ къ дѣйствительному улучшенію быта народныхъ массъ, что само же республиканское правительство принуждено было скоро закрыть ихъ, и опять не безъ насильственныхъ мѣръ). Въ подобномъ же положеніи, говорятъ, находились, и вожди парижской коммуны 1871 года, когда возбужденная ими же чернь стала требовать отъ нихъ ясныхъ и опредѣленныхъ плановъ общественнаго переустройства. Вообще порицать все существующее и разрушать гораздо легче, нежели придумывать что нибудь лучшее и вновь созидать... Въ революціонно-соціалистической пропагандѣ одна изъ самыхъ дурныхъ сторонъ есть именно та, что не имѣя въ виду ясныхъ и опредѣленныхъ мѣръ къ дѣйствительному улучшенію положенія народныхъ массъ, эта пропаганда распространяетъ между ними крайнее недовольство и раздраженіе противъ ихъ существующаго положенія. Этимъ пропагандисты всего болѣе дѣлаютъ зла именно тѣмъ самымъ народнымъ массамъ, о которыхъ повидимому они такъ хлопочутъ. Тяжело безъ сомнѣнія во многихъ отношеніяхъ положеніе рабочихъ классовъ, особенно въ тѣхъ государствахъ, гдѣ они совершенно лишены всякой осѣдлости, всякой прочной собственности, гдѣ вся земля—первый источникъ народнаго благосостоянія—находится въ рукахъ однихъ крупныхъ и богатыхъ собственниковъ. Но если они такъ или иначе привыкли къ своему положенію, и умѣютъ жить сообразно съ доставляемыми имъ средствами, если въ нихъ не возбуж-

дено желаній и мечтаній, далеко выходящихъ за предѣлы этого положенія: оно все-таки остается для нихъ терпимымъ, сноснымъ; и въ немъ они находятъ для себя радости и счастье. Но когда въ нихъ возбуждается крайнее недовольство и озлобленіе противъ своего положенія, зависть и ненависть къ другимъ лучше поставленнымъ классамъ общества, когда въ нихъ искусственно разжигаются такія потребности и мечтанія, какимъ не могли бы удовлетворить никакія условія общественнаго порядка: жизнь ихъ поистинѣ отравляется; у нихъ отнимается послѣднее и самое дорогое въ жизни благо—миръ души, миръ семьи, возможность находить источникъ какого нибудь довольства и счастья въ своей жизни. И тѣ люди, которые это дѣлаютъ съ простымъ бѣднымъ народомъ, поистинѣ дѣлаютъ ему гораздо болѣе зла и страданія, чѣмъ всякіе другіе враги, притѣснители и эксплуататоры народа.

Какъ же именно соціалисты думаютъ устранить существующія въ человѣческихъ обществахъ несправедливости и несовершенства, и устроить на землѣ такой порядокъ общественныхъ отношеній, который бы удовлетворилъ всѣмъ желаніямъ и потребностямъ людей и сдѣлался источникомъ всеобщаго довольства и счастья? Плановъ для этого у разныхъ современныхъ мечтателей много; и намъ нѣтъ надобности разсматривать ихъ подробно. Но главная мысль соціалистической пропаганды состоитъ въ томъ, чтобы устранить существующія въ человѣческихъ обществахъ неравенства общественныхъ положеній, неравенства, по мнѣнію соціалистовъ, основывающіяся только на наслѣдіи и несправедливости, уничтожить между людьми всякія отличія и привилегіи власти, знатности и богатства, и установить возможное равенство во всемъ и общее или по крайней мѣрѣ равномерное пользованіе всякими благами жизни. Согласимся на нѣкоторое время съ этою мыслью. Допустимъ, что эти неравенства общественныхъ положеній—величайшее зло; отъ нихъ дѣйствительно происходитъ не мало зла, хотя при пынѣшнихъ условіяхъ человѣческой жизни есть въ нихъ и добрая сторона: они возбуж-

даютъ соревнованіе въ человѣческой дѣятельности, способствуютъ общественному прогрессу, постепенно поднимая развитіе низшихъ классовъ общества вслѣдъ за высшими. Допустимъ, что всѣ эти неравенства—всякія общественныя привилегіи основаны на насиліи и несправедливости, хотя и это неправда: въ приобрѣтеніи этихъ привилегій и пользаваніи ими дѣйствительно бываютъ и несправедливости и насилія; но въ основѣ ихъ лежитъ идея справедливости—разность пользованія общественными благами соотвѣтственно съ разностью самыхъ личностей человѣческихъ—съ разностью ума, таланта, энергіи, труда, заслуги для общества, вознаграждаемыхъ частію въ лицѣ самыхъ обладателей этихъ самыхъ умовъ, талантовъ, трудовъ, заслугъ и т. д., частію въ ихъ потомствѣ—родѣ, судьба котораго не можетъ не быть въ большей или меньшей степени связана съ судьбою главы рода. Допустимъ наконецъ, что устраненіе всѣхъ этихъ привилегій и неравенствъ дѣйствительно могло бы уврачевать всѣ недуги и несовершенства человѣческихъ обществъ, и всѣхъ людей сдѣлать довольными, богатыми и счастливыми, хотя и это не можетъ быть признано справедливымъ: сумма всѣхъ привилегій, которыми пользуются такъ-называемые высшіе классы общества относительно всей массы общественныхъ благъ, составляющей достояніе всего человѣчества, на самомъ дѣлѣ далеко не такъ велика, какъ это представляется многимъ. Черезъ отнятіе всѣхъ этихъ привилегій у тѣхъ, которые ими пользуются, и равномерное распредѣленіе ихъ между всѣми остальными людьми положеніе первыхъ несомнѣнно ухудшилось бы; но положеніе послѣднихъ едва ли бы значительно улучшилось, т. е. люди богатые и знатные чрезъ такую мѣру, дѣйствительно бы сдѣлались менѣе довольными и счастливыми, но люди бѣдные едва ли бы много приобрѣли довольства и счастья<sup>1)</sup>. Притомъ далеко же конечно не отъ одного равен-

<sup>1)</sup> Пояснимъ нашу мысль цифрами; такъ какъ въ наше время многіе по преимуществу даютъ всѣхъ цифровымъ доказательствамъ. Предположимъ въ обществѣ между членами его такія отношенія въ распредѣ-

ства или неравенства внѣшнихъ общественныхъ положеній зависитъ счастье или несчастіе людей, совершенство или несовершенство человѣческихъ обществъ; есть для этого много условій внутреннихъ духовныхъ—гораздо болѣе важныхъ. Но пусть такъ. Допустимъ, что всеобщее уравненіе людей по ихъ общественному положенію могло бы быть дѣйствительно источникомъ всеобщаго довольства, мира и счастья, и что это уравненіе дѣйствительно могло бы быть достигнуто тѣми средствами, какія предлагаютъ социалисты. Но какъ поддержать это уравненіе въ родѣ человѣческомъ на всѣ будущія времена? Какъ предупредить тѣ явленія, чтобы на будущее время люди болѣе талантливые и энергичные не стали сами собою возвышаться надъ другими, и люди склонные къ хищ-

леніи имущества. Все общество, состоящее изъ десяти тысячъ семействъ владѣетъ пяти милліоннымъ состояніемъ. Въ этомъ обществѣ есть богачъ владѣющій цѣлою пятою частью всего общественного имущества—цѣлымъ милліономъ. Другимъ милліономъ владѣетъ десять семействъ (среднею цифрой по 100,000 каждое). Третьимъ милліономъ владѣетъ сто семействъ (по 10,000 каждое). Четвертымъ милліономъ владѣетъ тысяча семействъ (по 1000 каждое). Остальной милліонъ распредѣляется между остальными 8999 семействами такъ, что на каждое изъ нихъ среднимъ числомъ приходится лишь по сту съ небольшимъ рублей. Въ дѣйствительности неравномерное распредѣленіе имущества въ существующихъ обществахъ едва ли въ средней пропорціи доходитъ до такихъ крайнихъ различій. Но предположимъ такъ: предположимъ далѣе, что всѣ эти пять милліоновъ отбираются у частныхъ владѣльцевъ и равномерно распредѣляются между всѣми десятью тысячами семействъ. На каждую семью придется такимъ образомъ по 500 р. Что же изъ этого выйдетъ? Безъ сомнѣнія перемѣна въ образѣ жизни весьма значительна будетъ для тѣхъ семействъ, которыя съ милліоннаго или стотысячнаго или хотя десятитысячнаго состоянія сойдутъ на пятисотенное. Но слишкомъ ли много замѣнится положеніе тѣхъ семействъ, которые вѣсто ста или двухсотъ рублей будутъ имѣть пятьсотъ? Едва ли такъ много, чтобы изъ за этого можно было даже съ точки зрѣнія личной выгоды рѣшиться на радикальный общественный переворотъ, на насилія, грабежи и убійства. Намъ могутъ сказать, что мы представляемъ социалистическій планъ общественного переустройства въ самомъ грубомъ видѣ, и употребляемъ противъ него грубый способъ доказательствъ. Такъ; мы знаемъ, что болѣе серьезные изъ современныхъ социалистовъ уже не станутъ говорить о поголовномъ отобраніи всѣхъ частныхъ имуществъ и совершенно равномерномъ распредѣленіи ихъ между членами общества; у нихъ рѣчь только о болѣе справедливомъ вознагражденіи личныхъ способностей и трудовъ соотвѣтственно съ степенью и качествомъ ихъ. Но

ничеству и преобладанию не стали вновь насильственными путями захватывать въ свои руки привилегій предъ остальными людьми? Нельзя же въ самомъ дѣлѣ довести это всеобщее общественное уравненіе до того, чтобы сдѣлать всѣхъ людей равными и по талантамъ и по образованію и по энергій дѣятельности? Мечтаютъ и объ этомъ—трудно повѣрить, чтобы до такихъ нелѣпостей могла доходить мысль человѣческая—мечтаютъ и объ этомъ нѣкоторые изъ самыхъ крайнихъ и самыхъ сумасбродныхъ послѣдователей разсматриваемаго нами новаго ученія. Но превратить порядокъ природы дѣло конечно еще болѣе трудное, чѣмъ превратить порядокъ исторіи. Нельзя также конечно и совершенно искоренить во всѣхъ людяхъ инстинкты хищничества и насилія, особенно тѣми

вопервыхъ мы направляемъ свою рѣчь именно противъ тѣхъ крайнихъ социалистовъ, которые толкуютъ о радикальномъ общественномъ переворотѣ, и всеобщее счастье человѣческаго рода полагаютъ именно въ всеобщемъ уравненіи общественныхъ состояній. Такихъ крайнихъ социалистовъ несомнѣнно и теперь есть много, особенно между тѣми, которые, не довольствуясь разработкою социалистическихъ идей въ кабинетахъ, дѣлаютъ изъ нихъ общенародную проповѣдь. Нужно при этомъ сказать, что и тѣ изъ социалистовъ, у которыхъ въ кабинетахъ слагаются и въ книгахъ развиваются болѣе серьезныя и умѣренные представленія социальной реформы, выступая на поприще народной пропаганды, также любятъ представлять свои теоріи въ наиболѣе наглядномъ, наиболѣе возбудительномъ, но и вмѣстѣ съ тѣмъ въ наиболѣе грубомъ и нелѣпомъ видѣ. Вообще въ пропаганду между народомъ попадаютъ всего болѣе тѣ именно изъ социалистическихъ идей и теорій, которые отличаются наибольшою грубостью и нелѣпостью. Противъ такихъ то идей и теорій, которыми въ особенности развращаются легковѣрные и малосмысленные, и есть особенно настоятельная необходимость говорить. Способъ доказательствъ, употребляемыхъ нами противъ нихъ, безъ сомнѣнія можетъ представляться грубымъ, но онъ совершенно соответствуетъ самой сущности этихъ теорій, и вполнѣ подходит къ тѣмъ доказательствамъ, какія употребляются самими социалистами въ пропагандѣ ихъ идей. Что касается до болѣе серьезныхъ социалистическихъ теорій, въ которыхъ рѣчь идетъ о болѣе справедливой оцѣнкѣ личныхъ трудовъ и способностей соответственно ихъ степени и качеству,—съ этими теоріями намъ нѣтъ необходимости спорить здѣсь. Только если и эти теоріи для своего осуществленія опираются на насильственные средства, сводятся на революціонный путь, въ такомъ случаѣ и по отношенію къ нимъ можетъ быть примѣнимо почти все то, что говорится нами противъ крайнихъ и грубыхъ социалистическихъ теорій.

мѣрами, которыя рекомендуетъ революціонно-соціалистическая пропаганда, и которыя сами всего болѣе могутъ содѣйствовать развитію и укрѣпленію въ обществахъ инстинктовъ хищничества и насилія. Такимъ образомъ — въ концѣ концовъ — еслибы и удалось новымъ благодѣтелямъ челоѣчества довести челоѣческія общества до того идеальнаго состоянія, о какомъ они мечтаютъ, это состояніе не могло бы держаться долго. Мало-по-малу въ немъ опять стали бы обнаруживаться все тѣже явленія, которыя существуютъ при настоящемъ порядкѣ вещей: потому что эти явленія имѣютъ глубокое основаніе въ свойствахъ и инстинктахъ челоѣческой природы, какою по крайней мѣрѣ мы знаемъ ее при настоящихъ условіяхъ ея существованія.

Но, говорятъ, при устроеніи новаго порядка вещей могли бы быть изобрѣтены такія мѣры и гарантіи, которыя навсегда могли бы обезпечить правомѣрные отношенія между людьми, и не только предотвратить проявленія насилія и хищничества, но и сдѣлать невозможнымъ захватъ излишнихъ привилегій даже для такихъ людей, которые бы и дѣйствительно возвышались надъ другими своими талантами, трудами и заслугами. Каковы могутъ быть эти мѣры и гарантіи, объ этомъ устроители новаго общественного порядка болѣею частію не любятъ говорить опредѣленно, потому что и трудно въ этомъ отношеніи придумать что либо серьезное и опредѣленное. Большая часть изъ нихъ на всѣ подобныя вопросы отговариваются общими фразами такого рода, что опредѣленіе всѣхъ частныхъ новаго порядка вещей есть дѣло будущаго; между тѣмъ этими-то именно частностями и должно опредѣляться то, на сколько предполагаемый новый порядокъ можетъ быть желателенъ или нежелателенъ. Но пусть такъ. Пусть на самомъ дѣлѣ провозвѣстниками новаго ученія могли бы быть придуманы твердыя мѣры и гарантіи не только къ устроенію идеальнаго порядка на землѣ, но и къ поддержанію его на всѣ будущія времена.... Но что же это все внѣшнія мѣры да гарантіи? Ужели на самомъ дѣлѣ возможно внѣшними мѣрами и

гарантіями создать и навсегда утвердить счастье и благо людей? И уже ли на самомъ дѣлѣ было бы желательно, не довольствуясь тѣми частными мѣрами и гарантіями къ обезпеченію общественнаго порядка, которыхъ и теперь уже очень много во всѣхъ странахъ, придумать еще надъ всею жизнью человечества общія мѣры и гарантіи—общій такъ сказать—полицейскій контроль, опредѣляющій дальнѣйшее развитіе общественной жизни лишь въ указанномъ направленіи и въ предвѣчныхъ предѣлахъ? Но увы, что же тогда стало бы съ свободою человеческой личности, съ творчествомъ человеческого генія, со всѣмъ дальнѣйшимъ развитіемъ человеческого рода? Гдѣ бы могла найти мѣсто себѣ несчастная человеческая мысль, родившаяся въ гениальномъ умѣ, мысль свѣтлая и глубокая, но несоответственная общепринятымъ понятіямъ объ общественномъ благѣ? Или какой путь могло бы найти себѣ свободное стремленіе человеческой воли, одушевленной самыми лучшими побужденіями и направленной поистинѣ ко благу человечества, но не по тому масштабу, который заранѣе однажды навсегда предудказанъ для человеческой дѣятельности? И чѣмъ тогда должно бы было сдѣлаться все человечество, какъ не нѣкоторымъ подобіемъ великаго стада, долженствующаго весь вѣкъ пастись на однихъ и тѣхъ же злачныхъ пастбищахъ, уготованныхъ для него его великими радѣтелями?.. И такую-то будущность желали бы приготовить для человечества люди говорящіе о личной свободѣ и объ историческомъ прогрессѣ!..

Вотъ нами, кажется, уже настолько достаточно собрано частныхъ чертъ крайняго революціоннаго лже-соціализма, что раскрывается наконецъ въ настоящемъ видѣ и его общій обликъ, разоблаченный отъ тѣхъ прикрасъ, которыми онъ украшаетъ себя для оболъщенія простодушныхъ людей... Вопреки высокимъ понятіямъ послѣдователей этого ученія о его необыкновенной глубинѣ и мудрости, захватывающей будто бы въ корни всѣ задачи жизни человечества, оно напротивъ отличается прежде всего самымъ поверхностнымъ, внѣшнимъ

близорукимъ отношеніемъ къ человеческой жизни и серьезнымъ задачамъ представляемымъ ею. Остановливаясь на одной внѣшней матеріальной сторонѣ дѣла и не проникая въ его внутреннія глубочайшія основанія, социалисты естественно не только не рѣшаютъ вопросовъ, которыми задаются, но и заучиваются въ крайнихъ безъисходныхъ противорѣчіяхъ. Такъ, прежде всего задаваясь вопросомъ о благѣ и счастіи людей, они почти совершенно сводятъ этотъ вопросъ на частный о матеріальной сытости или несытости. Поэтому бѣдность матеріальная является въ ихъ глазахъ не только величайшимъ, но единственнымъ кореннымъ несчастіемъ, отъ котораго происходятъ всѣ прочія бѣдствія, какъ физическія такъ и моральныя—и невѣжество и безнравственность и несправедливость и т. д. Естественно поэтому, что всѣ ихъ усилія исключительно направляются къ тому, чтобы избавить человечество отъ этого кореннаго несчастія: съ устраненіемъ бѣдности, мечтаютъ они, сами собою установятся въ жизни человеческой нравственность, справедливость и счастье. И между тѣмъ сами же они говорятъ, что люди богатые, не испытывающіе лишней бѣдности, и безнравственнѣе и несправедливѣе и въ существѣ дѣла несчастливѣе бѣдныхъ. Какъ далѣе избавить человечество отъ этого великаго несчастія? Гдѣ найти коренную причину его и какъ уничтожить эту причину? Этотъ вопросъ социалисты также рѣшаютъ чрезвычайно поверхностно: бѣдные нуждаются въ необходимыхъ потребностяхъ жизни оттого, что богатые слишкомъ много благъ земныхъ захватили въ свои руки, и пользуются ими для удовлетворенія своихъ прихотей, т. е. иначе сказать бѣдность въ мірѣ оттого, что одни имѣютъ мало, а другіе много; или еще проще—бѣдность отъ того, что одни бѣдны, а другіе не бѣдны... Выводъ отсюда тотъ, что нужно взять излишки у богатыхъ и раздѣлить между бѣдными. Мы уже говорили выше, что чрезъ эту операцію имѣющимъ много дѣйствительно станетъ гораздо хуже, но станетъ ли отъ этого много лучше имѣющимъ мало, это весьма сомнительно; социалисты въ этомъ случаѣ обманыв-



ваютъ себя слишкомъ преувеличенными представленіями о массѣ благъ земныхъ, находящихся въ рукахъ богатыхъ людей, сравнительно со всѣмъ количествомъ ихъ, составляющимъ достояніе всего человѣчества. Какъ далѣе произвести предполагаемую операцію уравненія благъ земныхъ между богатыми и бѣдными? Богатые конечно не отдадутъ добровольно своихъ излишковъ; поэтому всего надежнѣе бѣдныхъ довести до такого состоянія, чтобы они сами взяли эти излишки у богатыхъ. Какимъ образомъ? Нужно возбудить въ бѣдныхъ недовольство своимъ состояніемъ и довести его до такой степени, чтобы это состояніе сдѣлалось для нихъ невыносимымъ, чтобы они готовы были на всякія крайнія, хотя бы насильственные и преступныя мѣры—на заговоръ, возстаніе, грабежъ и убійство, чтобы выйти изъ этого состоянія. И такъ вотъ рѣшеніе существеннѣйшаго жизненнаго вопроса. Требуется улучшить матеріальное положеніе бѣдныхъ; для этого нужно сдѣлать ихъ настоящее матеріальное положеніе невыносимымъ для нихъ. Требуется улучшить нравственное положеніе ихъ; для этого нужно извратить въ нихъ нравственный смыслъ и совѣсть, приучить ихъ къ насиліямъ и преступлениямъ всякаго рода. Требуется вообще сдѣлать бѣдныхъ людей счастливыми; для этого средства—отнять у нихъ послѣдній источникъ возможнаго въ ихъ положеніи счастья—довольство своимъ состояніемъ, неприхотливость желаній, спокойствіе духа и миръ совѣсти!.. Подобнымъ же образомъ рѣшается социалистами и другой существеннѣйшій жизненный вопросъ о совершенствѣ или несовершенствѣ существующаго общественнаго и политическаго устройства. Оставявъ вниманіе на общественныхъ отношеніяхъ людей социалисты видятъ въ нихъ много несовершенствъ, насилій, несправедливости и т. д. Видятъ и сознаютъ эти несовершенства и другіе люди имѣющіе очи видѣть. Но социалисты съ одной стороны оставявъ вниманіе на самыхъ рѣзкихъ исключительныхъ явленіяхъ общественной жизни, слишкомъ уже преувеличиваетъ ея неустройства, съ другой стороны указывая причину этихъ неустройствъ

и путь къ ихъ искорененію они останавливаются на таковыхъ объясненіяхъ, которыми никакая серьезная мысль не можетъ удовлетвориться. Отчего дурны общественныя отношенія, отчего много въ нихъ несправедливости, насилія и т. д.? Отъ того, что устроители и правители общества дурные люди. Но откуда берутся эти дурные правители общества и отъ чего они сами дурны? Они выходятъ изъ того же общества и отражаютъ на себя его недостатки; они продуктъ дурнаго общественного устройства. Такимъ образомъ здѣсь причина производитъ извѣстное слѣдствіе, и сама происходитъ отъ этого самаго слѣдствія... Дурно общество отъ того, что правители его дурны; слѣд. чтобы общество сдѣлалось лучше, нужно дать ему хорошихъ правителей. Но откуда возьмутся эти хорошіе правители? Не изъ того же ли общества? И не будутъ ли они также отражать на себя его недостатки?... Далѣе чѣмъ особенно дурны настоящіе правители общества и самыя общества управляемыя ими? Тѣмъ, что отъ нихъ общество много терпитъ, говорятъ, насилія и несправедливости. Чего по этому въ особенности нежелательно было бы видѣть въ новыхъ правителяхъ общества и въ новомъ общественномъ устройствѣ? Насилія, несправедливости. Но какимъ же путемъ можно измѣнить старый порядокъ на новый, и замѣнить старыхъ правителей новыми? Опять насиліемъ, несправедливостью. Такимъ образомъ здѣсь для искорененія болѣзни рекомендуется то самое средство, которое и вызвало и поддерживаетъ болѣзнь. Такова логика у послѣдователей новаго ученія; и такова мудрость ихъ въ рѣшеніи тѣхъ самыхъ вопросовъ, которые они сами считаютъ коренными вопросами общественной жизни. Посмотримъ теперь, какова искренность ихъ въ заявленіи и раскрытіи своихъ идей. Революціонный социализмъ, какъ видно изъ всего вышесказаннаго, держится на началѣ насилія и вѣрить только въ насиліе. Но онъ не хочетъ открыто сознаться въ этомъ; социалисты понимаютъ, что открытая проповѣдь насилія не можемъ привлечь къ себѣ многихъ послѣдователей,—и что собственно говоря, есть глубокое противорѣчіе

въ томъ ученіи, которое, возставаъ противъ насилія, само же проповѣдуетъ насиліе. Поэтому они, дабы сдѣлать свою пропаганду болѣе привлекательною, изображаютъ на своемъ знамени совсѣмъ другіе принципы и идеи — братства, любви, свободы. Въ существѣ дѣла эти идеи совершенно чужды имъ и характеру ихъ ученія. Они вообще совсѣмъ не вѣрятъ въ духовную силу идей самихъ въ себѣ. Они понять не могутъ того, чтобы добро само по себѣ своею внутреннею силою могло одержать побѣду надъ зломъ, любовь надъ враждою, правда надъ неправдою. Эти понятія принадлежатъ къ кругу высшаго духовнаго порядка идей, котораго они не понимаютъ и не признаютъ. Они, останавливаясь на одной вѣшной матеріальной сторонѣ жизни, вѣрятъ только въ господство вѣшной матеріальной силы. Поэтому, по ихъ представленію, самыя высшія духовныя идеи для своего развитія и утвержденія непременно требуютъ также вѣшной силы — насилія, и не могутъ безъ этого получить въ мірѣ никакого значенія; только насиліемъ можно дѣйствовать противъ насилія, враждою противъ вражды, неправдою противъ неправды. Такимъ образомъ высшія идеи добра, правды, любви, свободы остаются у социалистовъ какими-то отвлеченными идеями, во внутреннее значеніе которыхъ они вовсе не вѣрятъ, а въ дѣйствительности подъ ихъ знаменемъ проповѣдуются и совершаются насиліе, неправда, вражда, зло. Соціалисты не могутъ конечно не сознавать, что между ихъ словами и дѣйствіями, между принципами выставляемыми на показъ и принципами осуществляемыми на самомъ дѣлѣ есть глубокое противорѣчіе. И вотъ по этому-то они стараются какъ нибудь замаскировать или затушевать это противорѣчіе, и выдумываютъ оговорки такого рода, что насиліе, ненависть и неправда для нихъ имѣютъ только временное значеніе, что это только мѣры для утвержденія въ мірѣ добра, правды, любви. Такимъ образомъ для подкрѣпленія новаго превратнаго и безнравственнаго ученія привлекается здѣсь другое, давно выдуманное и также давно осужденное цѣльное и безнравственное ученіе, будто

для добрыхъ цѣлей могутъ быть употребляемы дурныя средства, будто бы отъ дурныхъ мѣръ могутъ происходить хорошія послѣдствія и т. д. Всѣ подобныя ученія, сами въ себѣ носящія внутреннее противорѣчіе и потому сами себя разрушающія, происходятъ именно отъ поверхностнаго матеріальнаго взгляда на жизнь, отъ невѣрія въ высшую духовную силу добра и правды самихъ въ себѣ, и отъ лицемѣрнаго желанія какъ нибудь соединить въ нравственной жизни два совершенно противоположные принципа: принципы добра и зла, свѣта и тьмы, правды и неправды, любви и вражды.

Вотъ здѣсь-то открывается и та сторона дѣла, въ которой ученіе социалистическое ближайшимъ образомъ соприкасается съ другимъ современнымъ ложнымъ ученіемъ — материалистическимъ. Повидимому между этими двумя ученіями не должно быть ничего общаго. Соціализмъ съ перваго взгляда представляется высокою идеализаціей; материализмъ есть отрицаніе — противоположность всякой идеализаціи. Соціализмъ — мечта о будущемъ; материализмъ — жизнь въ настоящемъ. Соціализмъ — вѣра въ торжество высшей духовной идеи, материализмъ — признаніе господства одного животнаго инстинкта и вѣшной матеріальной силы. Соціализмъ проповѣдуетъ ообщемъ благѣ; материализмъ знаетъ только благо, имѣющее основаніе въ личномъ ощущеніи. Соціализмъ проповѣдуетъ о самоотверженной любви къ человечеству; материализмъ признаетъ безразсчетную любовь развѣ только въ смыслѣ половаго инстинкта; всѣ же сознательныя и произвольныя дѣйствія людей, по его представленію, имѣютъ въ основаніи своемъ эгоизмъ, желаніе или расчетъ получить выгоду отъ другихъ, пожалуй и чрезъ доставленіе выгодъ другимъ. Соціализмъ мечтаетъ о всеобщемъ братствѣ, мирѣ и счастіи, послѣдовательный материализмъ не можетъ признать этихъ мечтаній; для него вѣчный закопъ жизни, переносимый повѣйшею наукой изъ области жизни животной матеріальной и въ сферу самыхъ высокихъ нравственныхъ явленій, есть борьба за существованіе и личное наслажденіе, и слѣдуетъ

всеобщая вражда, насилие и взаимно—истребление, утверждение блага и счастья одних на страдания и уничтожении других. Отчего же однако между современными социалистами много материалистов? Отчего социалистическая пропаганда идет рядом с материалистическою пропагандою—под одними и теми же знаменами, в одних и тех же лагерях? Отчего во многих несчастных головах, увлекаемых этою пропагандой, укладываются рядом такія видимо противорѣчащія понятія, какъ всеобщее благо и личный эгоизмъ, всеобщее братство и борьба за существованіе, всеобщій миръ и счастье и революціонная смута и рѣзня? Оттого, что въ существѣ дѣла социализмъ и материализмъ держатся на одномъ и томъ же принципѣ. Это есть именно принципъ внешней матеріальной силы—принципъ личного эгоизма и борьбы за существованіе, принципъ насилия, неправды, вражды. Это тотъ принципъ, который дѣйствительно господствуетъ въ мірѣ звѣрей, въ жизни животныхъ, и которому повѣйшее міросозерцаніе, приравнивающее человѣка къ животнымъ, старается дать также господство въ жизни человѣческой. Это тотъ принципъ, который уже однажды въ древнія времена заглушилъ было въ родѣ человѣческомъ все высшія идеи добра, правды и любви, и едва не обратилъ весь родъ человѣчскій въ царство животныхъ и звѣрей, и который на нѣсколько вѣковъ будучи задержанъ въ своемъ развитіи вліяніемъ христіанства, вновь теперь вызывается къ господству въ родѣ человѣческомъ ученіями отрѣшившимися отъ почвы христіанской. Материализмъ проповѣдуетъ этотъ принципъ открыто, послѣдовательно, и прямо водружаетъ на своемъ знамени принципъ матеріальной силы, личного эгоизма и борьбы за существованіе т.-е. всеобщей вражды. Социализмъ же не хочетъ или не находитъ удобнымъ открыто и послѣдовательно заявлять эти принципы и старается прикрывать ихъ принципами совершенно другаго противоположнаго порядка, принципами общаго блага, самоотверженной любви къ человѣчеству, всеобщаго братства, правды, мира, свободы и т. д. Но

въ существѣ дѣла эти высшіе духовные принципы остаются также чужды социализму, какъ и материализму. Въ существѣ дѣла социализмомъ также, какъ и материализмомъ постоянно проводятся материалистическія начала личного эгоизма, насилия, вражды, и на практикѣ даже революціонеры—социалисты проводятъ эти начала еще съ большею послѣдовательностью и крайностью, чѣмъ материалисты, довольствующіеся по преимуществу теоретическимъ развитіемъ своего принципа. Понятно теперь, къ чему въ концѣ-концевъ могутъ вести человечество эти ученія. Къ тому, чтобы опять постепенно заглохли въ родѣ человѣческомъ все высшія идеи и благороднѣйшія чувства, — къ тому, чтобы все нравственныя стихіи человѣческой жизни уступили свое мѣсто господству грубой силы, и родъ человѣческой обратился бы въ стадо животныхъ или царство звѣрей. Послѣдовательный материализмъ не станетъ и отказываться отъ такихъ крайнихъ результатовъ своей системы; по его системѣ люди никогда и не переставали и не могутъ перестать быть животными и звѣрями. Но социализмъ закрываетъ глаза передъ этими послѣдствіями, и старается обольщать себя фальшивыми представленіями о всеобщемъ братствѣ, всеобщемъ мирѣ и счастьи, которыя должны будто бы образоваться изъ всеобщей вражды и всеобщаго разрушенія. Въ существѣ дѣла однакожь, если присмотрѣться по ближе и къ этимъ мечтательнымъ представленіямъ о будущемъ братствѣ и счастьи людей, эти самыя миръ и счастье представлятъ намъ образъ чисто животнаго состоянія людей, прозябающихъ въ однихъ и техъ же заранѣе предначертанныхъ рамкахъ и условіяхъ жизни,—такого состоянія, при которомъ не можетъ быть мѣста ни личной свободѣ, ни общественному прогрессу. А если при этомъ принять во вниманіе, что для приготовленія людямъ этого будущаго блаженнаго состоянія социалисты стараются предварительно развивать въ людяхъ звѣрскіе инстинкты насилия, вражды, разрушенія, и что эти инстинкты возбужденные до крайней степени не могутъ конечно потерять свою силу и исчезнуть,

какъ скоро это угодно будетъ устроителямъ будущей общечеловѣческой коммуны, то при этомъ должно оказаться, что въ предполагаемой всемирной коммунѣ человѣчество должно ожидать себѣ не только мирно — животнаго состоянія, при которомъ бы агнцы могли спокойно пастись вмѣстѣ съ волками, но и свирѣпо — звѣрскихъ отношеній, при которыхъ волки истребившіе пастуховъ и стражей стада обратятъ затѣмъ свою свирѣпость противъ поддавшихся имъ овецъ и другъ противъ друга....

#### IV.

Послѣ всего сказаннаго становится ясно и то, почему социалистическое ученіе также, какъ и материалистическое, съ крайнею враждою относится къ христіанству. Потому что христіанство держится на началѣ прямо противоположномъ материалистическому и революціонно-социалистическому началу — на началѣ силы духовной, силы правды, любви и свободы, а не началѣ силы матеріальной — силы принужденія, неправды и вражды. Христіанство вѣритъ въ духовную силу правды, добра и любви самихъ въ себѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣритъ въ духовную природу людей, которая потому самому, что она духовна, имѣетъ естественную воспримчивость къ высшимъ духовнымъ вліяніямъ добра, правды и любви. Христіанство, хотя и признаетъ природу человѣческую падшею, находящуюся въ ненормальномъ состояніи, тѣмъ не менѣе оно признаетъ въ ней болѣе сохранившагося духовнаго благородства и болѣе воспримчивости ко всякимъ высшимъ духовнымъ вліяніямъ и стремленіямъ, чѣмъ всѣ естественныя ученія, не признающія человѣческаго паденія, но представляющія однакожь природу человѣческую по самому существу ея гораздо въ худшемъ состояніи, чѣмъ въ какомъ представляетъ ее христіанство. Признавая въ душѣ человѣческой, хотя и падшей, неискоренимое сродство съ міромъ духовнымъ, и потому неискоренимую воспримчивость къ высшимъ духовнымъ

вліяніямъ добра, правды и любви, признавая неотразимую силу этихъ высшихъ духовныхъ началъ надъ душою человѣческою, христіанство поэтому надѣется, что сколько бы ни властвовали надъ родомъ человѣческимъ противоположныя начала зла, ненависти и неправды,—добро, правда и любовь въ концѣ концовъ все-таки должны одержать торжество надъ ними, торжество относительное въ этомъ мірѣ, насколько то будетъ зависть отъ собственной свободы и усилій самихъ людей, и торжество окончательное въ жизни будущей, когда грѣховное начало будетъ вполне покорено духовнымъ началомъ. Поэтому христіанство, признавая и благословляя всякій естественный шагъ въ духовномъ развитіи рода человѣческаго, невидимо содѣйствуемому и управляемому высшею всемогущею рукою Промысла Божія, отвергаетъ насильственные перевороты въ исторіи человѣчества, отвергаетъ употребленіе средствъ и дѣйствій грубыхъ и жестокихъ, особенно употребленіе ихъ для высшихъ духовныхъ цѣлей добра, правды и любви. Христіанство держится на томъ убѣжденіи, что высшія начала добра, правды и любви не только сами по себѣ своею внутреннею силой безъ пособія грубыхъ матеріальныхъ средствъ могутъ приобрѣтать себѣ торжество въ родѣ человѣческомъ; но что употребленіе насильственныхъ и грубыхъ средствъ въ этомъ случаѣ даже вредитъ дѣлу, замедляетъ въ мірѣ развитіе правды, добра и любви, потому что въ ихъ собственной такъ сказать области дѣлаетъ уступку, даетъ временное господство противоположнымъ началамъ—злу, неправдѣ, насилию, враждѣ. Извѣстно, что сказалъ Иисусъ Христосъ въ великую ночь самоотверженнаго шествія на страданія за людей ученику своему, желавшему силою защищать личность любимаго Учителя (Матѣ. XXVI, 52—54; Іоан. XVIII, 11). «Петръ, вложи мечъ въ ножны» (грубая вѣшняя сила не должна быть употребляема на поддержку высшей духовной силы), «Всѣ, взявшіе мечъ, мечемъ погибнутъ» (насиліе естественно вызываетъ противъ себя также насиліе, и потому само въ себѣ носитъ начало гибели). Или ты думаешь, что я не могу теперь умо-

лечь Отца Моего, и Онъ представитъ Мнѣ болѣе, нежели двѣнадцать легионовъ Ангеловъ?» (духовная сила, еслибы стала считаться съ враждебными ей началами, безъ сомнѣнія могла бы выставить противъ нихъ и внѣшнюю силу самую могущественную). Но какъ же сбудутся Писанія, что такъ должно быть? (мѣръ долженъ увидѣть, что духовная сила добра, правды, любви сама по себѣ безъ пособія внѣшней силы, и при самомъ крайнемъ внѣшнемъ униженіи, можетъ одержать побѣду надъ всеми враждебными ей началами зла, неправды и ненависти). И Иисусъ Христосъ непосредственно затѣмъ показалъ истину своихъ словъ на самомъ дѣлѣ. Онъ показалъ, что одно слово Его могло повергнуть на землю высланную противъ Него силу; и тѣмъ не менѣе безирекословно отдалъ себя въ руки враговъ, и претерпѣлъ всякія поруганія и мученія и позорнѣйшую и жесточайшую казнь. И послѣ того увидѣли люди, что Любовь и Добро, опозоренное и истерзанное, убитое и погребенное, запечатанное и стражею огражденное, вновь воскресло въ божественной славы, — и враги, преслѣдовавшіе Его, остались посрамленными или сами сложились предъ Его непобѣдимую силою.

Если Добро, Правда и Любовь для своего распространенія между людьми не нуждаются въ грубыхъ и насильственныхъ дѣйствіяхъ, если грубыя и насильственныя дѣйствія только мѣшаютъ распространенію въ мѣръ этихъ началъ; то конечно такія дѣйствія, по смыслу христіанскаго ученія, не могутъ быть употребляемы ни какъ средство противъ неправды, насилія и зла, ни какъ возмездіе за сдѣланную неправду, насиліе и зло. Единственнымъ средствомъ къ распространенію правды, добра и любви и единственнымъ способомъ возмездія на неправду, ненависть и зло, по христіанскому ученію, опять-таки представляются Правда, Добро и Любовь. Только правдою можно побѣдить неправду, добромъ зло, любовью ненависть... «Если ударятъ тебя по щекѣ, подставь другую; если стануть снимать съ тебя верхнюю одежду, отдай рубашку. Не воздавай зломъ за зло, но побѣждай добромъ зло. Любите

враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ и молитесь за обидящихъ и гонящихъ васъ... Кроткіе наследуютъ землю. Нищимъ духомъ, гонимымъ за правду принадлежитъ царство небесное».

«Но это, говорятъ, такое идеальное ученіе, которое не можетъ имѣть мѣста на землѣ—въ обычныхъ отношеніяхъ людскихъ. Раскрытіе его въ Евангеліи: но само же христіанство называетъ Евангеліе ученіемъ божественнымъ, а не человѣческимъ. Осуществленіе его въ жизни Иисуса Христа; но само же христіанство исповѣдуетъ Иисуса Христа не простымъ человекомъ, а Богочеловѣкомъ, съ которымъ не могутъ равняться другіе простые и слабые люди. Это идеаль христіанства, оставшійся неосуществленнымъ для него самаго. Въ дѣйствительности между христіанами всегда имѣли мѣсто и насиліе, и зло и вражда. И сама церковь перѣдко призывала внѣшнюю силу на помощь проповѣдуемой ею истинѣ. И подъ кровомъ христіанства создалось то ученіе, что можно употреблять дурныя средства для добрыхъ цѣлей, что можно допустить клятвopеступленіе, обманъ, присвоеніе чужой собственности и убійство — *ad majorem Dei gloriam*», и т. д.

Такъ. Дѣйствительно, Евангеліе и земная жизнь Иисуса Христа останутся навсегда для людей идеаломъ, съ которымъ сойтись вполне не можетъ жизнь ни одного человѣка. Но не затѣмъ существуютъ идеалы въ жизни, чтобы люди по причинѣ ихъ высоты совершенно отвращались отъ нихъ и направляли свою жизнь совершенно въ противоположную сторону, а затѣмъ, чтобы хоть сколько нибудь приближались къ нимъ. Мы безъ сомнѣнія по своимъ нравственнымъ совершенствамъ никогда не можемъ сравняться съ Богомъ. Но Иисусъ Христосъ прямо заповѣдалъ намъ уподобляться Богу: *будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный совершенъ*. Наша жизнь по нравственной чистотѣ и самоотверженной любви никогда не можетъ стать на высоту жизни Христовой; но апостоль Павелъ прямо заповѣдуетъ намъ стремиться *въ мѣру исполненія возраста Христова*. Всего мы не можемъ сдѣ-

лать; но каждый может сделать что нибудь. Вполнѣ осуществить евангельскій идеалъ не можемъ; но осуществить его въ какой нибудь мѣрѣ при помощи Божіей всякій можетъ. И во всякомъ случаѣ, если мы не можемъ вполнѣ осуществить нравственный идеалъ, изъ этого не слѣдуетъ, чтобы мы совсѣмъ оставляли его, и намѣренно утверждали въ жизни начало противоположное ему. Изъ того, что мы не можемъ во всей полнотѣ исполнить требованія правды и любви христіанской, не слѣдуетъ, чтобы мы прямо возводили для себя въ жизненный принципъ неправду и зло.

Что между христіанами всегда имѣли мѣсто несправедливости, обиды, взаимныя притѣсненія, плата зломъ за зло,— что сама церковь (т. е. люди дѣйствовавшіе отъ ея имени, хотя и не проникнутые ея духомъ) употребляла насиліе и неправду ради распространенія самой истины, что наконецъ подъ покровомъ христіанства создалось ученіе разрѣшающее зло и преступленіе для славы Божіей, это дѣйствительно такъ. Но, какъ мы уже объясняли выше, это не имѣетъ отношенія къ самому христіанскому принципу. Это произошло не отъ него, а вопреки ему, — оттого, что жизнь человечества, и даже нерѣдко жизнь тѣхъ, которые по преимуществу считаютъ себя представителями церкви, недостаточно прониклась христіанскими началами, и доселѣ сохраняетъ въ себѣ много началъ враждебныхъ христіанству. Но изъ того, что эти начала доселѣ удерживали свою силу между христіанами, слѣдуетъ ли, чтобы ихъ нужно было сознательно и намѣренно поддерживать и даже еще болѣе укрѣплять въ христіанскихъ обществахъ и на будущее время? Изъ того, что средневѣковая инквизиція хотѣла страхомъ, пытками и казнями охранять истину Божію, изъ того, что иезуитство разрѣшало клятвopе- ступленія, грабежи и убійства для славы Божіей, слѣдуетъ ли, чтобы и въ настоящее время нужно было возстановлять и укрѣплять такіе принципы? Въ жизни человечества и особенно въ жизни христіанскихъ обществъ несомнѣнно долженъ быть нравственный прогрессъ. То, что признано ложнымъ и

вреднымъ, и надъ чѣмъ произнесено справедливое осужденіе въ прежнія времена, не должно быть вновь призываемо къ жизни во времена новѣйшія. Не произносить ли современная мысль безусловнаго осужденія надъ принципами инквизиціоннаго террора и иезуитской морали? Зачѣмъ же она сама въ другой области и въ другой формѣ старается возстановлять и распространять тѣ же принципы?...

Нѣкоторые пытаются въ самомъ Евангеліи находить такія мѣста изъ которыхъ будто можно вывести, что христіанство и въ самомъ принципѣ своемъ не отвергаетъ совершенно употребленія насилія для торжества добраго дѣла и даетъ такимъ образомъ оправданіе революціоннымъ переворотамъ въ исторіи человечества. Такой смыслъ находятъ въ словахъ Спасителя своимъ ученикамъ: «Не думайте, что Я пришелъ принести миръ на землю; не миръ, но мечъ. Я пришелъ раздѣлить сына съ отцемъ, дочь съ матерью и невѣстку съ свекровью. Возстанутъ братья на братья, и родители на дѣтей, и дѣти на родителей» (Матѣ. X, 34—35; 21). Въ другой разъ Иисусъ Христосъ сказалъ, что Онь своимъ ученіемъ огонь бросилъ на землю, который непременно долженъ воспламениться (Лук. XII, 49). Не похоже ли это на зажигательныя рѣчи революціонно-соціалистической пропаганды, которая взываетъ къ огню и мечу для распространенія своихъ началъ и къ возстанію братьевъ на братьевъ и дѣтей на родителей? Но чтобы понять, какой смыслъ заключается въ приведенныхъ словахъ Евангелія, нужно обратить вниманіе на то, какъ относятся эти слова ко всему духу и смыслу Евангелія, и еще болѣе на то, какое истолкованіе они находятъ себѣ въ жизни самаго Иисуса Христа и Его ближайшихъ послѣдователей. Да. Дѣйствительно вслѣдъ за появленіемъ христіанства страшное пламя загорѣлось на землѣ, и мечъ сталъ посѣкать головы тысячъ людей. Раздѣленіе возникло между самыми близкими людьми, и буквально братья возстали противъ братьевъ и родители противъ дѣтей. Но кто же это—христіанскіе проповѣдники употребляли огонь и мечъ для распространенія своего ученія и христіанскіе родители

возставали противъ своихъ дѣтей и братья противъ братьевъ за то, что тѣ не принимали ихъ убѣжденій? Нѣтъ, этого никогда не бывало. Но тысячи самихъ христіанъ погибали въ пламени костровъ и отъ меча палачей. Но родители не-христіане поднимали руку противъ своихъ дѣтей и братья противъ братьевъ, сдѣлавшихся христіанами (исторія христіанства знаетъ нѣсколько такихъ примѣровъ, буквально оправдавшихъ словахъ Спасителя; припомните наиболее извѣстные вамъ примѣры св. великомученицы Варвары убитой рукою собственнаго отца, или царицы Александры осужденной на смерть по приказанію своего мужа). Свѣтъ евангельской истины среди облежавшей его тьмы язычества былъ такъ силенъ для омраченныхъ предрасудками умовъ человѣческихъ, и сила любви христіанской среди общества закоренѣвшаго въ жестокости и враждѣ была такъ невыносима для страстей человѣческихъ, что всѣ эти предрасудки и страсти съ ужаснѣйшею силою—съ огнемъ и мечемъ—возстали противъ христіанства. Вотъ истинный смыслъ пророчесвенныхъ словъ Спасителя. Не христіанство вызвало насиліе противъ кого нибудь; а противъ христіанства возстало насиліе всякаго рода. Не христіанство зажгло костры и обратило мечи противъ непокорявшихся ему іудеевъ и язычниковъ; а злобное противъ него язычество и іудейство зажгло костры и обратило мечи на христіанъ. И это продолжалось, какъ извѣстно, около трехъ столѣтій, — всѣ усилія человѣческихъ страстей свирѣпѣли надъ христіанами, всякія поруганія и мученія были истощены надъ ними, и христіанъ погибло въ то время отъ огня, меча и другихъ казней не десятки, не сотни, а десятки и сотни тысячъ. И замѣчательное дѣло, во все это время христіане, вѣрные духу и наставленіямъ своего Учителя, ни разу не подумали о томъ, чтобы противопоставить силу силѣ, или чтобы по крайней мѣрѣ самихъ себя силою защитить отъ преслѣдованій язычества,—хотя сила ихъ напр. въ III вѣкѣ была уже очень значительна; и по числу ихъ тогда уже было много, а по нравственной энергіи они были го-

раздо сильнѣе разслабѣвшаго язычества. Исторія не знаетъ ни одного примѣра, чтобы христіане первыхъ вѣковъ возставали противъ преслѣдовавшаго ихъ правительства или сопротивлялись его распоряженіямъ; только въ свободномъ словѣ они позволяли себѣ передъ правительствомъ и обществомъ защищать истину своего убѣжденія и обличать несправедливость направленныхъ противъ нихъ дѣйствій. Цари издавали противъ нихъ жестокіе указы; а они въ своихъ религіозныхъ собраніяхъ возглашали первую молитву за царей. Мѣстные правители лишали ихъ всякихъ гражданскихъ правъ; а они всегда были самыми вѣрными и исправными исполнителями гражданскихъ обязанностей. Чернь языческая клеветала на нихъ и рукоплескала ихъ пыткамъ и казнямъ; а они готовы были идти съ словомъ и дѣломъ состраданія и утѣшенія ко всѣмъ нуждающимся изъ среды самыхъ враговъ своихъ, что особенно обнаруживалось во времена общественныхъ бѣдствій — напр. заразительныхъ болѣзней, когда малодушные язычники бросали въ домахъ ближайшихъ родныхъ пораженныхъ заразою, а христіане шли въ эти дома, покинутые здоровыми, служить больнымъ, можетъ быть прежде клеветавшимъ на нихъ и ненавидѣвшимъ ихъ. Вотъ въ это время христіанство вполне показало предъ лицомъ всего міра и самымъ неопровержимымъ образомъ (хотя, къ сожалѣнію, этого несомнѣннаго историческаго показанія доселѣ не понимаютъ и не принимаютъ многіе), что добро есть самое лучшее средство противъ зла, любовь противъ вражды, истина противъ неправды. Язычество со всею своею силою создававшеюся тысячелѣтіями и со всѣми своими насиліями и жестокостями не одержало побѣды надъ христіанствомъ, а само послѣ долгой и отчаянной борьбы должно было преклониться предъ христіанствомъ и признать его божественную истину и непреодолимую силу.

И за это опять современные мудрецы и благодѣтели человечества порицаютъ христіанство, что оно всегда учило противопологать насилію терпѣніе и побѣждать вражду любовію,

что оно не пыталось внѣшними мѣрами, силою проводить въ міръ тѣ высокіе идеалы любви и братства, какіе заключаются въ Евангеліи. «Сколько добра, говорятъ, могло бы сдѣлать христіанство, еслибы, при своихъ высокіхъ началахъ и при своемъ великомъ вліяніи на массы людей, оно отличалось большею энергіею въ осуществленіи своихъ началъ; еслибы, не довольствуясь отвлеченною проповѣдью о братствѣ и любви, оно болѣе дѣйствительными мѣрами—силою и въ случаѣ нужды хотя бы и насиліемъ—вводило въ человѣческія отношенія братство и любовь, искореняя въ обществахъ человѣческихъ всякія противорѣчація этимъ началамъ порядки и отношенія.»

Такъ, христіанство не признаетъ, чтобы можно было одними внѣшними мѣрами проводить въ міръ высшія идеальныя начала и создавать между людьми идеальныя отношенія; тѣмъ болѣе по принципу своему оно не допускаетъ насильственныхъ мѣръ въ этомъ дѣлѣ. Христіанство вѣритъ въ духовную силу; и потому, не поставляя своею непосредственною задачей преобразование внѣшнихъ формъ общественной жизни, оно старается дѣйствовать на духъ общества, на убѣжденіе и совѣсть людей, и дѣйствовать средствами нравственными, духовными — убѣжденіемъ, словомъ. Христіанство держится того убѣжденія, что когда духъ общества преобразуется, проникается высшими идеями и началами, тогда сами собою безъ насилій и переворотовъ естественно и послѣдовательно развиваются въ немъ и лучшія внѣшнія формы и отношенія жизни. А когда духъ общества огрубѣлъ, нравственныя силы въ немъ разслаблены, никакими внѣшними мѣрами и гарантиями нельзя создать между людьми идеальныхъ нравственныхъ отношеній; всякія же насильственныя мѣры и перевороты только болѣе способствуютъ огрубѣнію духа, разслабленію нравственныхъ силъ и потому значить болѣе закрѣпляютъ между людьми дурныя порядки и отношенія. Не такъ ли на самомъ дѣлѣ и было всегда; не такъ ли и должно быть по самому существу дѣла?

Мы уже видѣли, что христіанство вполне ясно показало

истину своихъ принциповъ на самомъ дѣлѣ. Хотя оно и никогда не задавалось непосредственно преобразованиемъ внѣшнихъ формъ общественной жизни, законовъ, учрежденій, политическихъ отношеній въ обществахъ человѣческихъ; тѣмъ не менѣе оно своими нравственными вліяніями на духъ и совѣсть людей такъ много содѣйствовало улучшенію и самыхъ внѣшнихъ общественныхъ порядковъ и отношеній, самыхъ государственныхъ законовъ и учрежденій, что едва ли какая историческая сила можетъ сравниться съ христіанствомъ по своему значенію въ этомъ отношеніи.

Если намъ нужно еще видѣть силу нравственнаго христіанскаго принципа и вліянія въ той самой сферѣ человѣческихъ отношеній, которая преимущественно служитъ предметомъ мыслей и заботъ для современныхъ преобразователей общества, т. е. въ сферѣ установленія между людьми лучшихъ экономическихъ отношеній,—исторія христіанства и въ этомъ отношеніи не оставляетъ насъ безъ высокаго указанія. Хотя христіанство никогда не задавалось прямо преобразованиемъ внѣшнихъ экономическихъ отношеній; тѣмъ не менѣе нравственнымъ вліяніемъ своимъ на духъ и совѣсть людей оно успѣло показать возможность между ними такихъ идеально-чистыхъ братскихъ отношеній, выше и чище которыхъ едва ли что либо представить себѣ можно.

На самыхъ первыхъ страницахъ первой исторіи христіанскаго общества—въ книгѣ Дѣяній апостольскихъ мы читаемъ: «У множества увѣровавшихъ было одно сердце и одна душа; и никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее. Не было между ними никого нуждающагося: ибо всѣ, которые владѣли землями или домами, продавая ихъ, приносили цѣну продаваемаго и полагали къ ногамъ апостоловъ; и каждому давалось, въ чемъ кто имѣлъ нужду» (Дѣян. IV, 33, 35). Вотъ высокій идеалъ общественнаго устройства, далѣе котораго едва ли можетъ идти самая смѣлая фантазія преобразователей общества. Вотъ полнѣйшее экономическое общеніе съ совершеннымъ забвеніемъ раздѣ-



денія между моимъ и твоимъ. Вотъ состояніе, въ которомъ не было ни богатства, ни бѣдности, въ которомъ не было мѣста ни крайней прихотливости и чрезмѣрному пресыщенію однихъ на счетъ другихъ, ни крайней нужды и лишеніямъ другихъ, ни высокоумію и преобладанію высшихъ классовъ общества надъ низшими, ни зависти и ненависти послѣднихъ къ первымъ. Вотъ состояніе, въ которомъ всего для всѣхъ было довольно; потому что каждый готовъ былъ жертвовать всѣмъ для всѣхъ. И такія идеальныя отношенія были въ обществѣ повидимому бѣдномъ и слабомъ, только-что образовавшемся, находившемся въ самомъ неблагоприятномъ внѣшнемъ положеніи, окруженномъ со всѣхъ сторонъ множествомъ самыхъ дурныхъ нравственныхъ примѣровъ и вліяній, возникшемъ среди такой нравственной среды, въ которой вовсе не было мѣста братству и любви, въ которой во всей силѣ развиты были эгоизмъ, жестокосердіе, зависть и вражда. Какимъ образомъ создалось это идеальное общественное устройство? Не видно, чтобы первые христіане задавались какими нибудь планами соціальной реформы. Не видно, чтобы были между ними какіе нибудь проповѣдники и организаторы новыхъ экономическихъ отношеній. Не видно, чтобы апостолы, устроители христіанскаго общества, отъ вступающихъ въ это общество прямо требовали отреченія отъ собственности и пожертвованія всѣмъ въ пользу общую. Но сами христіане, вступавшіе тогда въ христіанство по искреннему и глубокому убѣжденію, настолько прониклись духомъ новаго ученія, что его нравственные начала не могли, такъ сказать, не выражаться въ ихъ жизни. У христіанъ того времени не было противорѣчія между словомъ и дѣломъ, между вѣрованіемъ и жизнью. Когда они приняли новое ученіе, въ основѣ котораго положена была любовь, когда они стали называть другъ друга братьями и сестрами; тогда само собою для нихъ сдѣлалось невозможнымъ относиться безучастно къ положенію другъ друга, однимъ жить въ довольствѣ и роскоши, а другимъ терпѣть нужду и горе, какъ не можетъ этого быть между настоящими род-

ными братьями искренно любящими другъ друга. Потому сами собою всѣ тѣ между ними, которые владѣли землями или домами, продавали ихъ, и цѣну проданнаго приносили къ апостоламъ, дабы каждому давалось, въ чемъ кто имѣлъ нужду. Писатель книги Дѣяній апостольскихъ записалъ на память позднѣйшимъ вѣкамъ христіанства и имя того человѣка, которому по всей вѣроятности первому пришло на мысль сдѣлать такое доброе дѣло. Это былъ Юсіа—левитъ, родомъ киприинъ. Апостолы прозвали его Варнавою, что значитъ сынъ утѣшенія: такъ онъ утѣшилъ общество своимъ добрымъ дѣломъ, которое естественно должно было послужить примѣромъ и для другихъ. За нимъ и другіе стали отдавать, что имѣли, на пользу общую; и такимъ-то образомъ возникли между первыми іерусалимскими христіанами тѣ идеальныя отношенія, которыя описываются въ книгѣ Дѣяній апостольскихъ. Вся тайна этихъ отношеній раскрывается въ немногихъ первыхъ словахъ описанія: *у множества увѣровавшихъ было одно сердце и одна душа.*

Такъ, всякая причина производитъ соотвѣтственные себѣ послѣдствія. Всякая идея выражается въ соотвѣтственныхъ себѣ формахъ. Когда духъ общества хорошъ, пропитанъ началами справедливости, братства, любви,—сами собою слагаются въ обществѣ и внѣшнія отношенія хорошія, основанныя на справедливости, братствѣ и любви. Еслибы и теперь въ христіанскихъ обществахъ былъ такой же духъ, какъ у христіанъ перваго времени, еслибы и теперь у христіанъ было *одно сердце и одна душа*: сами собою поддерживались бы между ними и тѣ идеальныя внѣшнія отношенія, какія были въ іерусалимской христіанской общинѣ при апостолахъ, и не было бы тогда надобности ни въ какихъ соціалистическихъ преобразованіяхъ и переворотахъ; и не было бы даже повода къ самымъ мечтаніямъ о такихъ переворотахъ. Не было бы тогда ни той рѣзкой разницы между общественными классами, на которую такъ жалуются нынѣшніе соціалисты,—ни той опасной неприязни между ними, которую болѣе и бо-

лѣ стараются возбудить проповѣдники социалистическихъ ученій; не было бы ни пренебреженія и притѣсненія отъ сильныхъ слабымъ, ни зависти и ненависти отъ слабыхъ къ сильнымъ, ни вообще всѣхъ тѣхъ моральныхъ и физическихъ неустройствъ и несчастій, которыя происходятъ отъ того, что одни люди слишкомъ эгоистически пользуются своимъ хорошимъ положеніемъ въ жизни, а другіе не имѣютъ средствъ къ удовлетворенію самыхъ необходимыхъ потребностей жизни.

Но возьмите во вниманіе совсѣмъ другое нравственное состояніе общества, когда у членовъ общества не только *не одно сердце и не одна душа*, но когда напротивъ большая часть ихъ заботится только о себѣ и о своемъ и наводитъ все себѣ, когда эгоизмъ болѣе и болѣе распространяется между людьми, и самыми проповѣдниками братства и любви поставляется въ основной нравственный принципъ общественной жизни, когда не только между членами различныхъ классовъ общества, но и между ближайшими членами одной семьи нравственныя связи слабѣютъ и проповѣдниками новыхъ ученій разслабляются болѣе и болѣе,—потому что у большей части этихъ проповѣдниковъ вмѣстѣ съ отрицаніемъ собственности соединяется и отрицаніе семьи,—когда во имя самыхъ высшихъ идей братства и любви проповѣдуется насиліе, раздраженіе и вражда, когда духъ христіанскій не только не проявляетъ себя живыми дѣйствіями между членами христіанскихъ обществъ, но намѣренно ослабляется и подавляется тѣми новыми учителями и преобразователями общества, у которыхъ въ планъ будущей социальной реформы прямо входитъ искорененіе христіанства;—возможно ли при такомъ состояніи общества и при такихъ нравственныхъ тенденціяхъ распространяющихся въ немъ, мечтать о восстановленіи между людьми тѣхъ идеальныхъ отношеній всеобщаго равенства, братства и общенія во всемъ, какія существовали въ первобытномъ христіанскомъ обществѣ, у котораго были *одно сердце и одна душа*?

Всякое дерево производитъ соответственные себѣ плоды.

Много разъ въ поднѣйшіе вѣка разные религиозные и политическіе мечтатели мечтали возвратить человѣчество къ идеальному устройству первобытнаго христіанскаго общества, не заботясь въ то же время о восстановленіи въ современномъ обществѣ тѣхъ нравственныхъ свойствъ, какими отличались христіане первыхъ вѣковъ, не заботясь о воспитаніи такихъ свойствъ въ самихъ себѣ. Но обыкновенно подобныя попытки приводили къ совершенно противоположнымъ послѣдствіямъ: въ коммунистическихъ обществахъ, созданныхъ искусственнымъ и тѣмъ болѣе насильственнымъ образомъ, обыкновенно вмѣсто всеобщаго равенства и свободы являлся деспотизмъ, вмѣсто братства и любви—вражда, вмѣсто всеобщаго довольства и счастья — невыносимое стѣсненіе: того же и только этого можно ожидать отъ распространенія революціонно-коммунистическихъ началъ и на всѣ будущія времена...

Но и между самыми первенствующими христіаннами недолго, говорятъ, поддерживалось то идеальное общественное устройство, которое описывается въ книгѣ Дѣяній апостольскихъ. Мы видимъ его во всемъ высокомъ проявленіи духа любви только въ самой первой іерусалимской общинѣ христіанъ. Въ другихъ городахъ, гдѣ потомъ явилась христіанская церковь, мы уже не видимъ общенія имуществъ, хотя духъ христіанской любви въ болѣе обычной формѣ взаимной благотворительности проявляется еще живо и сильно во многихъ обществахъ. Между самыми іерусалимскими христіанами, по всей вѣроятности скоро послѣ возникшаго общенія имуществъ, стали открываться примѣры злоупотребленій, взаимнаго недоверія, подозрѣній, жалобъ, (Дѣян. V, VI) и т. д. Такъ, но это-то самое и показываетъ, что идеальное устройство общественныхъ отношеній возможно только при самомъ высокомъ уровнѣ нравственнаго состоянія общества. Пока духъ взаимной любви у самыхъ первыхъ христіанъ въ іерусалимѣ находился на самой высокой степени нравственнаго состоянія; до тѣхъ поръ и могли поддерживаться между ними чистыя идеальныя отношенія въ самомъ вѣншемъ бытіи. Но

какъ скоро съ умноженіемъ христіанскаго общества стали входить въ составъ его люди уже не столько высокіе и чистые духомъ; тотчасъ стали обнаруживаться въ обществѣ и злоупотребленія и лицемеріе и недовѣріе другъ къ другу и взаимныя жалобы и ропоть. Поддерживать въ обществѣ принудительнымъ образомъ идеальныя внѣшнія отношенія, когда самый духъ любви и братства между христіанами сталъ ослабѣвать, сдѣлалось невозможнымъ: это только усиливало бы скрытый эгоизмъ, взаимный обманъ и взаимное недовѣріе и стѣсненіе между членами общества. Потому апостолы, при распространеніи христіанства въ другихъ городахъ, и не пытались поддерживать обязательность полнѣйшаго общенія имуществъ, довольствуясь тѣмъ, что взаимная любовь христіанъ, все еще стоявшая на довольно высокой степени, стала выражаться въ другой болѣе обычной формѣ проявленія — въ формѣ христіанской благотворительности ближайшимъ и отдаленнымъ братьямъ... Такъ, не долго держалась въ самомъ высокомъ по духу христіанскомъ обществѣ первыхъ временъ идеальная форма вполне братскихъ и выше, чѣмъ братскихъ, общественныхъ отношеній: но по крайней мѣрѣ христіанство показало, при какихъ условіяхъ возможно, какимъ путемъ достижимо такое идеальное общественное устройство. Единственный путь къ этому есть нравственное очищеніе и возвышеніе общества, утвержденіе въ немъ христіанскихъ началъ, развитіе духа любви до полного самоотверженія, чтобы всякій готовъ былъ отдать все свое для всѣхъ, чтобы было въ обществѣ одно сердце и одна душа,—а конечно не противоположный путь нравственнаго развращенія и ожесточенія, не усиленіе въ обществѣ взаимнаго раздраженія и вражды, не проповѣдь насилія, эгоизма и борьбы за существованіе...

Но, скажутъ, путь нравственнаго очищенія и возвышенія—путь слишкомъ долгій и трудный, особенно когда дѣло касается не отдѣльныхъ личностей, а цѣлаго общества. И высокихъ результатовъ, къ которымъ человѣчество могло бы прийти по этому пути, можно ожидать только развѣ въ от-

даленномъ будущемъ... Такъ. Но это-то самое отчасти уже и ручается за вѣрность указываемаго пути: только на такомъ пути дѣло социальнаго усовершенствованія (человѣческихъ обществъ) можетъ развиваться естественно и послѣдовательно, какъ развиваются всякія другія человѣческія дѣла. Ибо какое же дѣло, особенно большое и серьезное, дѣлается безъ труда? Какой важный результатъ въ исторіи человѣчества достигается безъ надлежащей предварительной подготовки — какъ-нибудь на-скоро? Не мало бываетъ историческихъ и политическихъ дѣятелей, которые увлекаясь кратчайшими и рѣшительнѣйшими путями къ осуществленію своихъ идей, приступаютъ къ выполненію ихъ безъ надлежащей подготовки для этого въ окружающей средѣ, производятъ разные искусственные опыты надъ жизнью, спѣшатъ скорѣе получить отъ нея такіе плоды, для произращенія которыхъ самая почва неготова. Но сама жизнь обыкновенно жестоко мститъ за такое насильственное обращеніе съ нею. Искусственные мѣры, насильственные опыты надъ жизнью, преждевременные и скороспѣлыя результаты при осуществленіи историческихъ задачъ обыкновенно бываютъ самые неудачные, и только задерживаютъ правильное развитіе тѣхъ самыхъ идей и задачъ, для которыхъ они предпринимаются. Такъ, при разрѣшеніи великаго социальнаго вопроса, занимающаго современное человѣчество, могутъ придумываться скороспѣлыя рѣшенія и изобрѣтаться различныя внѣшнія мѣры къ лучшему устройенію обществъ человѣческихъ. Но все это не подвинетъ дѣла впередъ, а только болѣе запутаетъ и затянетъ разрѣшеніе вопроса. Формы общественной жизни могутъ мѣняться по нѣскольку разъ въ самое короткое время; каждая изъ такихъ перемѣнъ необходимо будетъ сопровождаться безпокойствами и потерями для многихъ членовъ общества, но если самое внутреннее содержаніе жизни—нравственное состояніе общества будетъ оставаться одно и то же и даже становиться хуже и хуже,—никакими внѣшними мѣрами, никакими рѣшительными переворотами въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ нельзя

будетъ привести общество къ желаемому совершенству и счастью. Частая перемѣна внѣшнихъ формъ безъ внутренняго усовершенствованія самаго духа общества есть самообольщеніе, лишь отвлекающее мысль общества отъ прямой постановки ея существеннѣйшихъ задачъ, — бесполезная трата силъ и времени, стоящая притомъ перѣдко очень тяжелыхъ усилій и жертвъ. Христіанство указываетъ, хотя долгій и трудный, но единственно вѣрный путь къ социальному усовершенствованію человѣчества, такъ какъ этотъ путь есть настоящій историческій — естественный и послѣдовательный, на которомъ средства соответствуютъ предполагаемымъ цѣлямъ, внѣшніе результаты развиваются изъ внутреннихъ основъ жизни, и постепенное совершенствованіе общества совершается безъ насильственныхъ переворотовъ и тяжелыхъ личныхъ потерь и стѣсненій. И если этотъ единственно вѣрный путь доселѣ оставляется безъ вниманія большею частию общественныхъ преобразователей; то это главнымъ образомъ происходитъ отъ того, что люди по большей части не любятъ прямо ставить предъ собою серьезнѣйшіе и существеннѣйшіе, особенно нравственные вопросы жизни, любятъ напротивъ серьезныя и важныя дѣла дѣлать сколько возможно легчайшими и скорѣйшими средствами, хотя эти средства и оказываются обыкновенно неудачными для предполагаемыхъ цѣлей....

Но что же, если идеальное устройство человѣческихъ обществъ возможно только при самомъ высокомъ развитіи общественного духа, которое конечно можетъ достигаться долгимъ путемъ (да еще и достигнется ли когда-нибудь?): ужели при настоящемъ нравственномъ состояніи человѣческихъ обществъ мы должны относиться равнодушно ко всѣмъ социальнымъ неустройствамъ, къ крайнему неравенству общественныхъ состояній, къ нравственному и матеріальному подавленію однихъ классовъ общества другими, къ бѣдности, стѣсненіямъ, страданіямъ, невѣжеству, нравственной грубости неизчислимыхъ народныхъ массъ, составляющихъ громадное боль-

шинство человѣчества?... Иначе сказать, ужели до того времени, когда разрѣшится въ человѣчествѣ вполне удовлетворительно нравственный вопросъ (а разрѣшится ли онъ когда въ настоящей жизни удовлетворительно для всего человѣчества, этого и не общаетъ намъ христіанство); ужели до того времени мы должны относиться безучастно къ такъ называемомъ социальному вопросу? Вовсе нѣтъ. Христіанство тѣмъ именно и отличается отъ всякихъ мечтательныхъ утопическихъ ученій, что оно ясно различаетъ идеаль и дѣйствительность, и указывая человѣческимъ стремленіямъ конечную цѣль въ идеаль, въ то же время никогда не теряетъ изъ виду дѣйствительности. Христіанство считаетъ возможнымъ полное счастье людей только при полномъ нравственномъ совершенствѣ, которое въ настоящей жизни и не можетъ быть достигнуто вполне, а только относительно, и притомъ не всѣмъ родомъ человѣческимъ, а только лучшею частию его. Въ какой именно мѣрѣ и какою частию людей достигнется это возможное на землѣ совершенство и счастье, и на этотъ вопросъ христіанство не даетъ намъ рѣшительнаго отвѣта, такъ какъ разрѣшеніе этого вопроса въ будущемъ зависить отъ свободы людей, всѣхъ направленій которой во всѣ будущіе вѣка и во всей массѣ людей даже и приблизительно предусмотрѣть нельзя. Такимъ образомъ христіанство и не обольщаетъ людей надеждою на полное осуществленіе идеальнаго общественнаго устройства и счастья, какъ дѣлаютъ это другія утопическія ученія: христіанство скорѣе пожалуй отрицаетъ полное осуществленіе этого идеала при настоящихъ условіяхъ жизни, по крайней мѣрѣ относительно всей массы человѣческаго рода. Въ этомъ собственно мечтательномъ утопическомъ смыслѣ социальный вопросъ дѣйствительно не имѣетъ значенія для христіанства. Но христіанство вовсе не относится безучастно къ дѣйствительнымъ лишеніямъ и страданіямъ огромной массы людей и не отрицаетъ возможности и необходимости посильнаго облегченія ихъ и при настоящихъ условіяхъ жизни. Напротивъ во всей силѣ

глубинѣ оно признаетъ и раскрываетъ эти лишения и страданія, какъ ни одно изъ человѣческихъ ученій; и со всею настойчивостію непрестанно проповѣдуетъ оно и широкую возможность и полнѣйшую обязательность для всѣхъ—для частныхъ людей, для цѣлыхъ обществъ и государствъ—по-сильно и со всевозможнымъ усердіемъ и искренностью облегчать эти лишения и страданія. Въ этомъ смыслѣ социальный вопросъ выдвинутъ христіанствомъ и твердо поставленъ на видъ человѣчеству прежде всякихъ другихъ ученій, съ самаго начала его распространенія; и доселѣ твердо стоитъ и раскрывается въ немъ съ большею полнотою, глубиною и жизненностью, чѣмъ въ какомъ бы то ни было другомъ ученіи. Только христіанство указываетъ для разрѣшенія этого вопроса—т.е. для посильнаго облегченія участи бѣдныхъ и несчастныхъ людей—не тѣ средства, какія рекомендуются современными социалистическими ученіями...

И прежде всего, глубоко сочувствуя скорбямъ и лишениямъ бѣдныхъ и несчастныхъ людей, и не находя возможности облегчить вполне ихъ внѣшнее матеріальное положеніе, христіанство старается открыть для нихъ источникъ утѣшенія и возможнаго счастья, независимо отъ внѣшняго положенія, въ ихъ собственномъ духѣ—въ мирѣ совѣсти, въ успокоеніи духа, въ разумномъ и примирительномъ взглядѣ на земныя лишения и страданія. Христіанство внушаетъ своимъ послѣдователямъ, чтобы они не смотрѣли на земную жизнь какъ на послѣднюю цѣль своихъ стремленій, и не ожидали отъ нея полного счастья, что полное счастье на землѣ и быть не можетъ, и что самые богатые и счастливые по виду люди имѣютъ свои скорби и страданія, что земная жизнь для людей есть только приготовленіе къ будущей, кратковременный искусъ, за которымъ послѣдуетъ полное воздаяніе по дѣламъ и свойствамъ людей въ другой жизни,—гдѣ не будетъ между людьми никакой разности состояній и внѣшнихъ положеній, гдѣ вѣчное счастье и несчастье людей, вполне будетъ зависеть отъ ихъ собственного нравственнаго состоянія, отъ ихъ доброй воли,—

что при этомъ лишения и страданія настоящей жизни могутъ имѣть для насъ даже благотворное воспитательное значеніе, и за нихъ поэтому намъ нужно не роптать на свою судьбу, а благодарить Бога,—что никто въ жизни не терпитъ столько лишений и страданій, сколько претерпѣлъ ихъ за насъ добровольно по любви къ намъ Господь и Искушитель нашъ Иисусъ Христосъ, что участвуя со Христомъ на землѣ въ страданіяхъ, мы будемъ участвовать съ Нимъ на небѣ въ Его вѣчной славѣ и блаженствѣ и т. д. Такими внушеніями христіанство успѣваетъ утверждать во многихъ своихъ истинныхъ послѣдователяхъ такое высокое нравственное настроеніе, что они не только примиряются съ земными лишениями и скорбями, находя для себя источникъ утѣшенія въ своемъ духѣ—въ своихъ чаяніяхъ и вѣрованіяхъ, но и сами добровольно идутъ на нихъ, подражая своему Учителю Христу, ищутъ ихъ, находятъ въ этихъ самыхъ скорбяхъ и лишенияхъ источникъ надеждъ и блаженства по слову Христа: блаженіи нищіе духомъ, яко ваше есть царствіе небесное, блаженіи алчущіе нынѣ, яко насытитесь, — блаженіи плачущіе нынѣ, яко возсмѣетесь и т. д. (Луки VI, 20, 21).

И за это христіанству дѣлаютъ еще болѣе жестокіи упреки его противники. Христіанство, говорятъ, своимъ ученіемъ о примиреніи съ земными скорбями и лишениями, о наградахъ и утѣшеніяхъ въ жизни будущей, только обольщаетъ бѣдныхъ и несчастныхъ людей, отнимаетъ у нихъ побужденія что-либо предпринимать для улучшенія своего состоянія, и такимъ образомъ только закрѣпляетъ въ обществахъ человѣческихъ тѣ дурные порядки и отношенія, тѣ лишения и стѣсненія, отъ которыхъ страдаютъ они. Нѣкоторые даже заподозрѣваютъ христіанство въ томъ, что оно намѣренно дѣлаетъ это—изъ угожденія людямъ сильнымъ и богатымъ внушаетъ бѣднымъ и слабымъ примиреніе съ своимъ положеніемъ, дабы закрѣпить надъ ними гнетъ сильныхъ и богатыхъ,—намѣренно обольщаетъ людей проповѣдью о наградахъ жизни будущей, чтобы подавить и заглушить въ нихъ всякія

стремленія къ улучшенію своего состоянія въ жизни настоящей.

Но такіе упреки могли бы быть справедливы тогда, когда было бы доказано, что чаянія и обѣтованія христіанства относительно жизни будущей—пустая мечта, и что настоящая жизнь напротивъ представляетъ въ себѣ послѣднюю цѣль человѣческихъ стремленій и можетъ дать людямъ полное счастье. Но такихъ доказательствъ доселѣ никто не представилъ и представить не можетъ: напротивъ христіанскій взглядъ на жизнь земную находитъ себѣ постоянное подтвержденіе въ опытѣ и исторіи людей, и христіанская проповѣдь о жизни будущей имѣетъ для себя основаніе въ самыхъ глубочайшихъ потребностяхъ и лучшихъ чаяніяхъ человѣческаго духа \*). Вторыхъ путь, указываемый христіанствомъ къ облегченію участи людей бѣдныхъ и несчастныхъ чрезъ примиреніе ихъ съ своимъ положеніемъ и надежду на жизнь будущую, тогда могъ бы быть названъ путемъ невѣрнымъ и нехорошимъ, когда указанъ былъ бы къ этому другой путь болѣе надежный. Но такого другого лучшаго пути не существуетъ. Въ особенности тотъ путь, который въ противоположность христіанству повѣршился печальниками людей бѣдныхъ и несчастныхъ рекомендуется къ улучшенію ихъ положенія,—путь состоящій въ томъ, чтобы не примирять бѣдняковъ съ ихъ состояніемъ, но напротивъ всячески возбуждать, раздражать ихъ противъ него, раскрывать предъ ними тяжесть и невыносимость этого состоянія,—такой путь безъ сомнѣнія не приведетъ бѣдныхъ и несчастныхъ къ счастью, а только еще болѣе сдѣлаетъ ихъ несчастными. Ибо можетъ ли голодному и жаждущему принести облегченіе то, что въ немъ стараются раздражать и усиливать голодъ и жажду, не предлагая настоя-

\*) Объ этомъ подробнѣе можете прочитать въ моей рѣчи четвертому выпуску воспитанниковъ Александровскаго Военнаго Училища — на тему: „Что такое жизнь“.

См. Рѣчи, произнесенныя при выпускахъ воспитанниковъ 1-го десятилѣтія Александровскаго Военнаго Училища свящ. А. М. Иванцовымъ-Платоновымъ. Москва 1874.

щихъ средствъ къ удовлетворенію? Можетъ ли человѣку страдающему отъ раны доставить облегченіе то, что его рану только растрavляютъ безъ надежды на исцѣленіе? Люди, отнимающіе у бѣдняковъ и страдальцевъ послѣднюю опору въ жизни—внутреннее спокойствіе, миръ души, надежду на жизнь будущую—дѣлаютъ положеніе ихъ болѣе, чѣмъ вдвое, болѣе чѣмъ въ десятеро несчастнѣйшимъ. А когда мнимые печальники бѣдныхъ людей, не довольствуясь разрушеніемъ ихъ внутреннего мира, стараются еще кромѣ того подвигнуть ихъ на противозаконныя дѣйствія для улучшенія своего состоянія на насильственное отнятіе чужой собственности, на заговоры и возстанія: это не только не улучшаетъ внѣшняго состоянія бѣдныхъ людей, а нерѣдко губитъ ихъ жизнь окончательно, — но еще болѣе это губитъ бѣдныхъ людей нравственно развращая ихъ, дѣлая преступниками. Бѣдный преступникъ несомнѣнно гораздо несчастнѣе бѣднаго но честнаго человѣка. Христіанству, которое порицаютъ за то, будто оно своею проповѣдью о терпѣніи принижаетъ и развращаетъ слабыхъ людей, дѣлая ихъ рабами сильныхъ, — по истинѣ никакъ нельзя сдѣлать того упрека, чтобы оно на самомъ дѣлѣ нравственно принижало и развращало бѣдныхъ людей. Христіанство никогда не проповѣдывало такихъ идей, что люди бѣдные и несчастные по внѣшнему положенію, непременно должны быть и нравственно грубыми, развращенными людьми, рабы по внѣшности—рабами по духу, неспособными ни на какія возвышенныя стремленія и благородныя дѣйствія. Напротивъ, такіа убѣжденія проповѣдуются только противниками христіанства, тѣми людьми, которые не вѣрятъ во внутреннюю силу и свободу духа и всѣ нравственныя свойства людей производятъ отъ ихъ внѣшняго матеріальнаго положенія. Но христіанство не только теоретически проповѣдуетъ, но и практически жизнь многихъ своихъ послѣдователей доказываетъ ту истину, что человѣкъ и въ самомъ низшемъ состояніи и въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ матеріальной жизни можетъ сохранять и внутреннюю свободу духа

и благородство характера и возвышенность стремлений и чистоту дѣйствій. И это есть другая заслуга—другое благодѣяніе, оказываемое христіанствомъ людямъ бѣднымъ и вообще находящимся въ невыгодныхъ вѣншихъ условіяхъ жизни. Примирая ихъ по возможности съ вѣншимъ незавиднымъ положеніемъ, христіанство въ то же время поддерживаетъ въ нихъ нравственную чистоту и высоту. Замѣчено исторически, что никогда между людьми бѣдными, занимающими низкое общественное состояніе — рабами напр. не бывало столько личностей высокихъ, гуманныхъ, благородныхъ, какъ въ такія времена, когда и въ низшихъ классахъ общества твердо держатся добрыя христіанскія убѣжденія и чувства. Такъ напр. было въ первые вѣка христіанства, когда сами знатные и образованные язычники, привыкшіе считать своихъ рабовъ и вообще низшихъ людей животными не только по вѣншему состоянію, но и по нравственнымъ свойствамъ, нерѣдко должны были удивляться нравственной чистотѣ, благородству, героизму, самоотверженію тѣхъ своихъ рабовъ и рабынь, которые дѣлались христіанами. Понятно послѣ этого, какую услугу бѣднымъ низшимъ классамъ общества оказываютъ тѣ люди, которые стараются искоренять въ нихъ христіанскія убѣжденія и чувства.

Наконецъ христіанству тогда можно было бы сдѣлать упрекъ, что оно проповѣдуетъ терпѣніе и примиреніе съ своею участію людямъ бѣднымъ и слабымъ какъ бы въ интересахъ людей богатыхъ и сильныхъ, еслибы оно не обращалось и къ богатымъ и сильнымъ съ постоянною проповѣдью о милосердіи и справедливости. Но христіанство въ этомъ упрекнуть нельзя. Проповѣдуя бѣднымъ терпѣніе и успокоеніе, оно не расточаетъ лести предъ богатыми и сильными людьми и не внушаетъ имъ жестокосердія и самодовольства. Христіанство не говоритъ богатымъ, что они могутъ пользоваться своимъ богатствомъ для своихъ личныхъ потребностей безъ участія къ нуждамъ бѣдныхъ, не говоритъ сильнымъ, что они могутъ пользоваться своею силою для притѣсненія слабыхъ. Напротивъ христіан-

ство постоянно проповѣдуетъ богатымъ, что они должны всячески облегчать положеніе бѣдныхъ, и внушаетъ сильнымъ, что они должны употреблять свою силу на защиту и поддержку слабыхъ. Богатство и сила, по ученію христіанства, не личное право, не личная привилегія владѣющихъ ими, которыми можно пользоваться по произволу для личныхъ цѣлей и прихотей, безъ участія къ положенію другихъ. Богатство и сила—даръ Божій, временно даруемый тѣмъ, кого Господь въ этой жизни особенно взыскиваетъ своимъ милостіями, дабы и они были милостивы къ другимъ, облегчали положеніе бѣдныхъ, давали утѣшеніе несчастнымъ, защищали и поддерживали слабыхъ. Въ этомъ дарѣ Божіемъ, не личными правами и заслугами пріобрѣтенномъ, а милостію Божіею даруемомъ,—въ правильномъ употребленіи этого дара владѣющіе имъ должны отдать строгій отчетъ предъ Богомъ. И нѣтъ такихъ обличеній и прещеній, съ которыми бы христіанство не обращалось противъ людей богатыхъ, неправедно умножающихъ свои богатства и пользующихся ими только для своихъ личныхъ цѣлей, и противъ людей сильныхъ, употребляющихъ свою силу на притѣсненіе слабыхъ. Христіанство не возбуждаетъ людей бѣдныхъ и слабыхъ, претерпѣвающихъ несправедливости и стѣсненія отъ извѣстныхъ общественныхъ порядковъ, прямо возставать противъ этихъ порядковъ и насильственно низпровергать ихъ; но христіанство и не одобряетъ и не поддерживаетъ такихъ порядковъ, отъ которыхъ могутъ терпѣть люди бѣдные и слабые, при которыхъ только не многимъ можетъ быть хорошо, а большей части людей дурно. Напротивъ по христіанскому ученію само собою слѣдуетъ, что такіе порядки несовмѣстимы съ христіанскою любовью, съ христіанскимъ братствомъ, съ духовнымъ равенствомъ всѣхъ людей предъ Богомъ, съ общимъ вѣчнымъ назначеніемъ людей; поэтому всѣ тѣ, отъ кого можетъ зависѣть поддержаніе или измѣненіе общественныхъ порядковъ, должны всячески стараться—улучшать, усовершенствовать ихъ, дѣлать ихъ болѣе и болѣе соотвѣтствующими началамъ братства, любви,

духовнаго равенства людей и высокаго вѣчнаго назначенія всѣхъ ихъ. Только все это должно совершаться не чрезъ насилие, не съ враждою и раздраженіемъ, не тяжелыми переворотами, въ которыхъ разгораются страсти и страдаютъ личная совѣсть, личная свобода, личное благо, а по доброй волѣ, по совѣсти, въ духѣ любви, при которой самыя высокія подвиги самоотверженія и самыя великія усовершенствованія въ жизни общественной дѣлаются безъ стѣсненія личной совѣсти, личной свободы и личного блага.

И такъ вотъ путь, которымъ христіанство всегда шло къ той великой цѣли, къ которой издавна устремляются лучшіе помыслы и надежды людей, вотъ путь къ разрѣшенію того вопроса, надъ которымъ работаютъ многіе развитые и благородные умы и въ настоящее время—къ искорененію дурныхъ и тяжелыхъ общественныхъ порядковъ, къ улучшенію положенія бѣдныхъ и слабыхъ людей и вообще къ усовершенствованію жизни человѣчества. Это путь доброй воли, совѣсти, любви. По ученію христіанскому, какъ и по ученію социалистическому, чтобы всѣмъ людямъ по возможности было хорошо, богатые должны поступаться своимъ богатствомъ въ пользу бѣдныхъ, и сильные должны употреблять свою силу на служеніе слабымъ. Но богатые и сильные, по ученію христіанскому, должны дѣлать все возможное для бѣдныхъ и слабыхъ не по насилію и принужденію отъ нихъ (все достигаемое насиліемъ и принужденіемъ и нечисто и непрочно), а по внутреннему расположенію, по доброй волѣ, по совѣсти, по любви.

Противники христіанскаго ученія могутъ насмѣхаться надъ этимъ путемъ къ устроенію общественнаго благосостоянія. Могутъ говорить, что это путь слишкомъ мечтательный, идеальный, что на немъ предполагается слишкомъ много вѣры въ добрую совѣсть и добрую волю людей. Но христіанство по опыту знаетъ, что этимъ путемъ можно достигнуть многого; оно и въ прежнія времена и во времена самыя неблагоприятныя для возбужденія доброй совѣсти и доброй воли, многое сдѣлало на этомъ пути для блага человѣчества, для облегче-

нія участи бѣдныхъ и несчастныхъ,—сдѣлало столько, сколько никогда не было сдѣлано никакимъ другимъ ученіемъ и никакими другими средствами. Христіанство въ томъ именно и полагаетъ вѣрность указываемаго имъ пути къ устроенію общественнаго блага, что оно основывается на доброй совѣсти и доброй волѣ и на вѣрѣ въ добрую совѣсть и добрую волю. Опытами тысячелѣтней исторіи человѣчества доказано, что только тамъ и можно сдѣлать что-либо доброе, гдѣ есть добрая совѣсть и добрая воля и вѣра въ добрую совѣсть и добрую волю, а тамъ, гдѣ и добрая совѣсть и добрая воля изсякли и вѣра въ нихъ утратилась, тамъ никакими внѣшними мѣрами и гарантіями ничего прочнаго создать нельзя. Наконецъ христіанство потому увѣрено въ указываемомъ имъ пути къ устроенію общественнаго блага, что этотъ путь чистъ: на немъ, если нельзя для людей сдѣлать добра болѣе того, чѣмъ сколько позволяютъ добрая совѣсть и добрая воля самыхъ людей (какъ этого нельзя сдѣлать и ни на какомъ другомъ пути), то по крайней мѣрѣ не сдѣлается имъ и никакого зла,—ни насилія, ни стѣсненія, ни развращенія для доброй совѣсти и доброй воли людей.

Остается еще одинъ вопросъ. Христіанство, говорятъ, не всегда исполняетъ въ человѣчествѣ ту высокую миссію, какую можетъ исполнять по самому смыслу своего ученія. Не всегда оно, проповѣдая бѣднымъ и слабымъ терпѣніе и примиреніе, съ надлежащею силою внушаетъ богатымъ и сильнымъ справедливость и человѣколюбіе. Иногда, говорятъ, въ церкви христіанской слово правды и человѣколюбія предъ сильными міра почти замолкаетъ, и проповѣдь христіанская, обращенная только съ словомъ терпѣнія и примиренія къ бѣднымъ и слабымъ, дѣйствительно какъ бы содѣйствуетъ поддержанію и закрѣпленію гнета богатыхъ и сильныхъ надъ бѣдными и слабыми. Да покроются позоромъ въ исторіи христіанскихъ обществъ тѣ эпохи, когда въ самомъ высшемъ святилищѣ правды и любви—въ церкви христіанской замолкаетъ слово правды и любви. Да покроются позоромъ тѣ представители и



проповѣдники христіанства, которые самое святѣйшее слово истины — проповѣдь евангельскую обращаютъ въ орудіе для человѣческой лести, для человѣческаго произвола, даже для человѣческой жестокости, которые своими внушеніями вмѣсто того, чтобы содѣйствовать распространенію въ обществѣ милосердія и правды, лишь болѣе возбуждаютъ и укрѣпляютъ немилосердіе и неправду. Но еслибы и такъ было, еслибы между видимыми представителями церкви христіанской и недоставало по временамъ живыхъ провозвѣстниковъ правды и любви, въ ней всегда останется предъ человѣчествомъ вѣчный проповѣдникъ, вѣчный ходатай предъ Богомъ и людьми за всѣхъ слабыхъ и бѣдныхъ, страждущихъ и обремененныхъ — Божественный Искупитель и Спаситель человѣчества Иисусъ Христосъ съ Его святѣйшею жертвою — жертвою безконечной любви, съ Его святымъ Евангеліемъ — евангеліемъ царствія Божія, царствія правды и любви, съ безчисленнымъ сонмомъ святыхъ Его учениковъ, послѣдовавшихъ божественному призыву правды и любви и другимъ подающихъ примѣръ слѣдовать за ними. И если бы между нами самими недостаточно было разумнія, усердія и силы къ устроенію нашихъ взаимныхъ отношеній по началамъ правды и любви, Онъ Самъ Своєю всемогущею силою и любовію поможетъ намъ сдѣлать все, что можно и нужно: только бы не оскудѣвала въ насъ вѣра въ Него, надежда на Него и любовь къ Нему.

Вотъ мы разсмотрѣли сравнительно два ученія о любви къ человѣчеству и благъ общественномъ: ученіе христіанское давно извѣстное и много сдѣлавшее и не перестающее дѣлать для блага человѣчества, для облегченія участи бѣдныхъ и несчастныхъ людей, и ученіе социалистическое новое, пока еще ничего прочнаго можно сказать не сдѣлавшее, но зато отличающееся самыми смѣлыми и рѣшительными замыслами. Въ какомъ изъ этихъ ученій болѣе полноты, широты, глубины, вѣрности истинному духу любви и добра, силы, жизненности, искренности, чистоты, — въ этомъ кажется нельзя

сомнѣваться. Къ какому изъ этихъ ученій мы поэтому должны обращаться съ своею вѣрою, надеждою и любовью и искать истинныхъ началъ какъ для своего личнаго, такъ и для всякаго общественнаго обновленія и улучшенія: это также не можетъ быть непонятнымъ. Какое напротивъ изъ этихъ ученій представляетъ въ себѣ подъ покровомъ высокихъ идей и добрыхъ цѣлей стороны весьма сомнительныя и прямо темныя и дурныя, — это также понятно.

Но христіанское ученіе о любви къ человѣчеству требуетъ отъ насъ не того только, чтобы мы сознавали его истину и превосходство предъ другими ученіями, но того по преимуществу, чтобы мы слѣдовали ему на дѣлѣ, въ жизни. И если иногда кажется инымъ, что другія ученія непріязненныя христіанству болѣе его представляютъ силы, жизненности и залоговъ для общественнаго обновленія и улучшенія: то это всего болѣе именно отъ того зависитъ, что послѣдователи этихъ ученій, несомнѣнно менѣе чистыхъ и истинныхъ, чѣмъ христіанство, относятся однакожъ къ нему болѣе ревностно, чѣмъ многіе изъ насъ христіанъ относятся къ своему божественно чистому и истинному христіанскому ученію. Еслибы мы христіане не только въ мысляхъ и словахъ, но и на дѣлѣ, въ жизни всегда были вѣрными и ревностными послѣдователями закона любви христіанской; никакія другія ученія, помимо христіанства и вопреки ему мечтающія устроить общественное благо, не только бы не могли имѣть между нами никакой силы, но не имѣли бы даже повода къ своему появленію. Если бы въ обществахъ современныхъ, какъ выше объяснено, существовалъ истинно социальный — христіанскій духъ любви, взаимнаго участія и дѣятельной помощи, не могъ бы имѣть тогда никакой силы, не могъ бы и распространяться въ христіанскихъ обществахъ никакой другой фальшивый и вредный социализмъ.

И такъ намъ болѣе всего нужно быть не слушателями только, но исполнителями христіанскаго ученія о любви. Въ этомъ для всѣхъ насъ лучшее разрѣшеніе всякихъ социальныхъ вопросовъ, лучшій исходъ для всякихъ искреннихъ и чистыхъ социальныхъ стремленій.

Я хотѣлъ было ко всему сказанному присоединить для васъ еще нѣсколько практическихъ разъясненій и совѣтовъ о томъ, какимъ образомъ въ наше время, въ извѣстномъ жизненномъ положеніи каждаго изъ насъ, при нашихъ общественныхъ условіяхъ и требованіяхъ, мы могли бы наилучшимъ образомъ исполнять законъ христіанской любви. Но моя бесѣда къ вамъ и безъ того затянулась слишкомъ надолго; а время зоветъ къ другимъ дѣламъ и обязанностямъ. Можетъ быть, не досказанное теперь скажу вашимъ преемникамъ, которыхъ послѣ васъ, если дастъ Богъ, придется благословлять при выходѣ изъ школы на жизненный путь... А бесѣду съ вами заключу молитвою, да укрѣпитъ васъ Господь въ духѣ любви и да поможетъ вамъ каждому въ его средѣ, по закону Христову съ скромностію и искренностію, безъ мечтаній и самообольщеній совершать дѣла любви и служенія человѣчеству!..

Р. С. Дѣла и событія большею частію лучше предварительныхъ соображеній и совѣтовъ указываютъ намъ, куда и какъ въ какое время направить свою любовь, свое участіе и дѣятельность во благо ближнихъ. Дѣла и событія текущаго времени, какъ и всякаго, представляютъ самое широкое поприще для дѣйствій любви... Когда вы слышите, что въ одномъ мѣстѣ тысячи семействъ остаются безъ крова и пищи отъ страшнаго пожара,—въ другомъ еще большія тысячи заранѣе предаются унынію отъ неурожая,—еще въ иномъ тысячи семействъ безпомощныя и бѣдныя бѣгутъ съ мѣста родины отъ невыносимыхъ притѣсненій варварскаго ига; еще болѣе, когда вы видите вблизи себя нужду, горе, болѣзнь, униженіе, страданіе: это все указанія Божіи, призывающія васъ на дѣло любви. *Не ожесточите сердецъ вашихъ.* Помогайте, чѣмъ можно, чѣмъ далъ кому Господь возможность помогать. Что сдѣлаете для кого-либо изъ братій Христовыхъ меньшихъ во имя Его; то сдѣлаете для Него самаго!..

Прот. А. Ивановъ-Платоновъ.

3 Октября. 1876 года.